

Князь Мещерский

Автор:

Анатолий Дроздов

Князь Мещерский

Анатолий Федорович Дроздов

Зауряд-врач #3

Анатолий Федорович Дроздов – известный писатель-фантаст, пишущий в разных жанрах. Представляем заключительный роман из трилогии «Зауряд-врач», ставшей одним из самых популярных литературных проектов автора за последние годы. Роман «Князь Мещерский», как и предыдущие книги цикла, написан в лучших традициях «попаданчества» и «альтернативной истории».

Мы часто слышим версии о параллельных мирах, где развитие истории идет по несколько другим сценариям. В один из таких миров и попадает наш современник, майор медицинской службы Игорь Иванов. Попадает, погибнув в мире нашем после подрыва на mine.

Талантливому хирургу и обладателю знаний из будущего разумней было бы лечить людей и двигать медицинскую науку, а не лезть туда, где бал правят хищники. Но честь офицера этого позволить не может. Как известно, вмешательство в коварные планы элит может дорого обойтись, но герой отступать не привык. Читайте подробности финальной истории о зауряд-враче в книге!

Анатолий Дроздов

Князь Мещерский

Приходилось видеть разъяренного тигра? Он смотрит на вас желтыми глазами и угрожающе рычит. Из оскаленной пасти капает слюна, а хвост яростно молотит по бокам. От такой картины кровь леденеет в жилах, как любили писать классики, и хочется нестись прочь сломя голову. Только бесполезно – даже устать не успеешь...

У императрицы, сидевшей передо мной в кресле, хвоста, оскаленной пасти и капающей слюны не наблюдалось, но вид ее в полной мере соответствовал разъяренному тигру, вернее тигрицы. Что, впрочем, не меняло ситуации. Не все ли равно, кто свернет вам шею – тигр-самец или его подруга? Мне захотелось стать маленьким и тонким, чтобы забиться в щель – вон под тот диван, скажем, и замереть там, у стены, пока тигр будет ходить кругом и пытаться достать меня лапой. Она у него толстая, под диван не пролезет... Мечты, мечты. Я принял виноватый вид и опустил очи долу. Может, повезет, и меня не будут терзать?

– Что вы позволяете себе, князь?! Я разрешила вам встречаться с дочерью не для того, чтобы она ночевала в вашем доме!

Интересно, чем плох мой дом? Там уютно и клопов нет. А вот за Кремль не поручусь...

– Мало того, что вы подвергли опасности наследницу престола, оставив ее без охраны, так еще в постель затащили. Отчего молчите? Отвечайте! Не медля!

– Вам вредно волноваться, государыня. Вы перенесли тяжелую операцию. Это я вам как врач говорю.

– Что-о?!

Ну, вот – хотел как лучше...

– Позвольте мне рассказать, как было дело?

– Сделайте одолжение!

Яда в голосе тещеньки столько, что можно во флаконы разливать, а потом натирать спину против радикулита. Хотя не стоит, пожалуй, – кожа слезет...

– Вчера вечером мы с Мишей... бароном Зассом отправились в дом ювелира Натана Соломоновича Полякова дабы поздравить его племянницу Елизавету Давидовну с высокой милостью, которую вы ей оказали, возведя в потомственное дворянство и наградив орденом Святой Софии.

– Я вас на это не уполномочивала!

– Мы решили сами. Во-первых, хотели поздравить замечательную девушку и хирургическую сестру, во-вторых, барон Засс испытывает к ней сердечное влечение. Поскольку он мой друг, я не мог отказать ему в просьбе сопроводить к Елизавете Давидовне. Сам он стеснялся.

– Мне нет дела до его чувств!

– Понимаю, государыня, но именно с этого началось. Мы прибыли в дом Полякова, вручили Елизавете Давыдовне цветы, а ее дядя пригласил нас за стол – они как раз собирались отобедать.

– И вы, конечно, согласились.

– Отказать было неудобно. После той новости, что мы принесли...

– Не врите!

– У Полякова замечательный повар – во Франции учился.

– Вот теперь похоже на правду. Рановато я даровала вам титул, князь! Бегать по домам евреев ради угощения... Вы б еще в трактир зашли! [1 - Офицерам и военным чиновникам запрещалось посещать трактиры, только рестораны, причем не всякие, а высоких категорий. Но в реальной жизни это соблюдалось не строго.]

– Позвольте я продолжу?

– Сделайте милость.

– Не успели мы сесть за стол, как прибыла ее императорское высочество Ольга Александровна с фрейлиной.

– Для чего?

– Вручить Елизавете Давидовне жалованную грамоту вашего императорского величества. Понимаю так, что по вашему поручению.

Молчание. Ага, угадал.

– Я продолжу. Застав меня с Ми... бароном у Поляковых, Ольга Александровна очень рассердилась.

– Отчего?

– До недавнего времени она считала Полякову своей соперницей. Когда я лежал в госпитале с дыркой в голове, эти две красавицы устроили скандал прямо у моей койки – да так, что мне пришлось разнимать. Ольга Александровна тогда пообещала Поляковой сослать ее в Сибирь.

– Возможно, стоило.

– Тогда кто бы помогал оперировать вас, государыня?

– Не пытайтесь разжалобить меня, князь! За оказанные услуги вы и ваши знакомые вознаграждены весьма щедро. Отвечайте по существу! Что сделала Ольга?

– Вручила Елизавете Давыдовне жалованную грамоту, после чего отвела меня в другую комнату, где нанесла легкие телесные повреждения, не приведшие, впрочем, к длительному расстройству здоровья.

– Что-о?!

– Схватила за ухо и стала его крутить. Было очень больно.

– Это еще не больно.

Звучит многообещающе...

– Ольга Александровна посчитала, что я приехал к Поляковым, чтобы повидаться с Лизой. Я сказал ей, что она заблуждается, и предложил убедиться лично. После чего Ольга Александровна приняла предложение Полякова разделить с ними трапезу.

– Боже! Моя дочь с евреем-ювелиром!

– У него замечательный повар. Графиня Адлерберг была в восторге. А Ольга Александровна сумела убедиться, что Полякова с благосклонностью принимает знаки внимания от барона Засса.

– А дальше?

– Я для нее пел.

– Князь – у еврея?

Какой сарказм в голосе! Из ее императорского величества вышел бы великолепный тролль. Выпустить бы ее на пространство Интернета...

– До танцев дело не дошло?

– Нет, государыня. После песен Ольга Александровна пожаловалась мне, что дом ее разрушен, ей негде преклонить голову, и попросила приютить. Как я мог отказать?

– Князь!..

– Все было так, государыня! Клянусь!

Я перекрестился.

– А в постели вашей она как оказалась?

– Извините, государыня, но это личное дело.

– Все! Что касается наследницы трона Российской империи! Не является личным делом какого-то князя! Вам это понятно?

– Да, государыня! Но позвольте мне закончить?

– Говорите!

– В том мире у меня была дочь Даша, летами как Ольга Александровна. Когда однажды она привела в дом молодого человека и заявила, что будет с ним встречаться, мне захотелось убить этого наглеца. Как он смеет претендовать на мою девочку? Но потом я понял, что неправ. Дочь выросла и имеет право на любовь. Это грустно осознавать, но такова жизнь.

– Не заговаривайте мне зубы, князь! Ваша дочь не является наследницей престола Российской империи. Она может спать с кем угодно, тем более, насколько слышала, нравы в покинутом вами мире весьма свободные. Не пытайтесь перенести их сюда! Вы все сказали?

– Нет. Я люблю Ольгу, а она любит меня. Наши чувства выдержали испытание разлукой. Ваше императорское величество! Покорнейше прошу у вас руки вашей дочери. Обещаю быть ей любящим и верным мужем.

Задумалась. Может, с этого следовало начинать?

– Я подумаю о вашей просьбе. Но вы должны поклясться, что впредь Ольга никогда более, слышите? никогда не будет ночевать у вас, даже если сама этого попросит. Понятно?

– Клянусь!

– И я не хочу, чтобы она забеременела до свадьбы.

– Обещаю. Я врач и знаю, как этого избежать.

– Я вас услышала.

Хм! Выходит, что в Кремлевском дворце с Ольгой можно? Странные у них здесь правила[2 - Главный герой – человек из нашего мира и не аристократ, поэтому не знает, что именно так обстоят дела у монархов. Во дворце с наследницей престола – можно, за его пределами – нет. За последнее могут и голову оторвать.].

– А теперь расскажите, как у вас хватило ума ввязаться в дуэль?

– Мне бросили вызов.

– Вам не следовало его принимать. Лейб-хирург государыни, действительный статский советник, а ведете себя как мальчишка.

– Я собирался извиниться.

– Только это вас оправдывает. Александр Иванович принял извинения?

– Нет. Пришлось стреляться.

– Что-о?! И?

– Гучков убит.

– Вы, поистине, исторический человек, князь! – Мария всплеснула руками. – Как Ноздрев у Гоголя. Постоянно ввязываетесь в какие-то истории. Отдаете себе отчет, чего натворили? Газеты станут писать, что я расправляюсь с политическими противниками руками придворных.

– Не станут.

– Отчего так уверены?

– На дуэли присутствовали репортеры – их пригласил покойный. Они стали свидетелями, как я предложил Гучкову извиниться, а тот отказался.

– Позер! – фыркнула Мария. – Даже умереть захотел красиво. Знаете, для чего он прибыл в Кремль после взрыва и не уходил, когда его попросили? Думал воспользоваться растерянностью должностных лиц и возглавить работы по спасению людей, тем самым доказав свою значимость и ничтожество монарха. Вы ему помешали. Покойный рвался к власти.

– В моем мире Александр Иванович Гучков был активным организатором Февральского переворота и отречения царя от трона.

– Вот как? – в облике Марии на мгновение проглянул тигр. – Но это у вас. Здесь другой мир. Вам не стоило его убивать – хватило бы ранения.

– Я так и сделал – прострелил ему плечо. Он выронил пистолет, но затем нагнулся и поднял его здоровой рукой. Извините, государыня, но у меня есть любимая женщина, и я хочу жить.

– Потому и не следовало принимать вызов. Что стало бы с Ольгой, убей вас Гучков?

– Я ничем не рисковал.

– Покойный был отменным стрелком.

– Это вряд ли.

– Хотите сказать, что вы лучше?

– Вам известен результат.

– Гм! – Мария посмотрела на меня с интересом. – У вас врачей учат стрелять?

– Нет, государыня. Но у меня был друг – большой мастер этого дела, который обучил меня. Не хочу хвастаться, но на двадцати шагах, не целясь, попаду в любую часть тела противника.

– Это как?

– Вот!

Выхватываю из кармана шаровар браунинг. Рука у бедра, ствол сморит в угол.

– Вы пришли на аудиенцию с оружием?!

Прячу пистолет в карман.

– Извините, государыня, но посыльный из дворца перенял меня после дуэли. Не успел выложить.

– Пистолет следовало оставить в приемной, – Мария покачала головой. – Мальчишка! Самовлюбленный, дерзкий и наглый. И что Ольга нашла в вас?

– Может, родственную душу? Ее императорское высочество отнюдь кисейная барышня.

– Вы еще научите ее стрелять!

– Это поручение?

– Валериан Витольдович! Ведите себя прилично!

– Извините, государыня! Виноват.

– То-то. А поручение у меня к вам есть. Несколько необычное и, возможно, неприятное. Московскому охранному отделению удалось задержать бомбиста, взорвавшего Кремлевский дворец. Это некто Савинков.

– Борис?

– Знаете его?!

На меня глянули глаза-дула.

– В моем мире человек с этим именем и фамилией был известным террористом, повинным в гибели многих людей. Он убивал их при царе, продолжил это делать в новой России. В последнем случае действовал из-за границы, посылая группы боевиков. Много зла принес. Чтобы нейтрализовать его, организовали целую операцию. Савинкова выманили в Россию, где и арестовали.

– У нас проще. После разбора развалин жандармы установили, что заряд взрывчатки заложили в подвале, в котором хранились дрова. Сделать это мог только истопник. Проверили всех, и оказалось, что одного, принятого на службу недавно, нет среди мертвых и выживших. Описание его внешности насторожило полицейских. Людям, знавшим истопника, показали фото, и они опознали Савинкова. Полиция и жандармы перетряхнули Москву, и в одном из доходных домов обнаружили террориста. У служащих охранного отделения и жандармов хватило умения захватить его неожиданно, без стрельбы.

Мария помолчала.

– Знаете, что огорчило меня более всего? Савинкова устроил на службу в Кремль Сергей Витальевич Бельский, мой личный секретарь. Человек, которому я доверяла.

– Государыня...

– Знаю, что хотите сказать. Помню вашу записку о необходимости тщательной проверки служащих в моем окружении. Я не придавала ей значения, за что и поплатилась. У Бельского были долги, которые он внезапно стал отдавать. Это должно было вызвать подозрения, но... Я наказана за легкомыслие, а теперь хочу наказать тех, кто организовал это подлое дело. Савинков действовал не один, это ясно, но имена его сообщников неизвестны – он упорно молчит. Терять ему нечего: на нем смертный приговор, вынесенный несколько лет назад. Его не смогли привести в исполнение из-за того, что Савинков смог сбежать. Вот я и вспомнила... Некогда вы советовали генералу Джунковскому пытаться пленных немцев, чтобы они поведали все, что знают. Приходилось заниматься этим в

вашем мире?

– Нет, государыня.

– Жаль.

– Но если нужно...

– Сможете?

– Попытаюсь.

– Беретесь?

– Да!

– Могу спросить почему? Грязное дело. Оно не украсит вас.

– Есть причина. При разборе завала я находился на сортировке. То есть определял степень ранения пострадавших и помощь, которую им следует оказать. Видел много трупов. Среди них было двое детей – мальчик и девочка. Страшно изуродованные тела...

– Петя и Полина – дети княгини Болховской, моей давней подруги. Она пришла меня навестить, сидела в приемной. Погибли все... Как и многие другие, – голос Марии сух и безжизнен. – Мне до сих пор снится, что я под завалом. Трудно дышать, темнота, боль... Просыпаюсь в поту. Там я теряла сознание, и это было спасением. Приходя в себя, осознавала случившееся и молила Бога, чтобы он даровал мне быструю смерть. Находиться там было подобно аду. Этого я никогда и никому не прощу!

Она сжала кулаки. Я стоял молча.

– Завтра утром отправляйтесь к командиру Отдельного корпуса жандармов. Необходимые указания насчет вас Дмитрий Николаевич получит.

– Понял.

– Узнайте правду, Валериан Витольдович, и рука Ольги будет вашей. Обещаю.

– Благодарю, государыня...

?

От императрицы я отправился к Ольге – ну, раз можно... Разыскал в том же здании Арсенала – часть его помещений приспособили под временное пребывание царской семьи. Был принят, зацелован и затискан.

– День прошел, а уже соскучилась, – сообщила Ольга, устраиваясь у меня на коленях. – Что сказала тебе мать?

– Для начала отругала за тебя.

– Меня – еще утром! – фыркнула Ольга. – Я в ответ заявила, что достаточно взрослая, чтобы самой решать, где и с кем мне спать. И вообще пора объявлять нас женихом и невестой. Ты попросил у нее моей руки?

– Первым делом, – слегка соврал я. Хотел добавить: «Как и честный и порядочный человек», но решил, что это прозвучит двусмысленно.

– Что она сказала?

– Будет думать.

Незачем любимой знать, на что я подписался.

– Опять! – вздохнула Ольга. – Ладно, я об этом позабочусь. Со свадьбой до конца войны вряд ли выйдет, но помолвку можно провести уже сейчас.

– Помолвку?[3 - В реальной истории помолвку (обручение) Святейший синод в 1775 году предписал совершать одновременно с браком, но это АИ.]

– Ты думал, что так просто жениться на наследнице престола? Указ о престолонаследии читал?

– Руки не дошли.

– И за что я тебя люблю? Как можно было не поинтересоваться? – фыркнула любимая.

– Мне интересна ты, а не какие-то указы.

– Но без них никак, – вздохнула Ольга. – Слушай! Указ о престолонаследии издала еще Софья Великая. Она определила, что российский престол наследует старший представитель рода Романовых независимо от пола. А еще супругом царицы может стать российский дворянин, чей род насчитывает не менее восьми поколений благородных предков. При этом близкие родственники будущего супруга – до троюродных включительно, лишаются права занимать должности при дворе и на государственной службе. А, буде имеют их, должны оставить.

– Почему?

– Чтобы избежать nepотизма. Боярские роды грызлись за власть, для них подсунуть свою дочь или сына в супруги царю или царице было заманчивой целью. Своим указом Софья уняла их, хотя не конца. Привилегии можно получить и не занимая государственных постов. Со временем возникла традиция искать женихов и невест монаршим особам среди круглых сирот. Мой отец остался без родителей семилетним мальчиком. Его воспитывал двоюродный дядя. В двенадцать лет его отдали в кадетский корпус. Далее – военное училище, служба в гвардии... Он познакомился с мамой, будучи в охране дворца.

– Гм! – сказал я. – Поправь меня, если ошибаюсь. В рядах гвардии, охраняющей Кремль, немало перспективных сирот благородного происхождения?

– Ты догадлив. Их специально отбирают и ставят в окружение наследницы престола. Некоторых определяют ко двору. Поверь, это умные и достойные юноши. Прочих и быть не может – кандидатов утверждает государыня лично.

– Тем не менее ты выбрала меня.

– Да, – сказала любимая и чмокнула меня в нос. – Они, конечно, хорошие, но скучные. Да, ваше императорское высочество! Непременно, ваше императорское высочество! – передразнила она. – Ты вот взял и сразу поцеловал.

– А перед этим трогал за всякие разные места.

– Пошляк! – фыркнула она. – Хотя было приятно. А этой ночью... Никогда не думала, что это так хорошо, – она прижалась ко мне сильнее. – Поцелуй меня!

Все, дальше занавес...

?

Бориса выдала кухарка. Домовладелец, которого нашел Евно, оказался надежным, и, когда к нему пришли с фотографией Бориса, заявил, что такого жильца у него нет. Но на беду Савинкова сотрудника охраны сопровождал городской. Когда вышли от домовладельца, он сказал полицейскому:

– Не верю я этому Штрайбману, гнилой он человечиска. У него летось в доме грабители укрывались, а он сказал, что не знает их. Надо кухарку спросить, она баба правильная.

Кухарку спросили. Она опознала жильца по снимку, заявив, что тот сидит в своей квартире, не выходя, впуская только ее с едой. У полицейских хватило ума не пытаться задержать террориста самостоятельно. Они мирно ушли и доложили начальству о результатах. За домом установили наблюдение, а перед рассветом прибыла группа задержания из лучших скорохватов Отдельного корпуса жандармов. Одни из них тихо вошли внутрь, другие окружили здание. Мобилизованная жандармами кухарка постучала в дверь и сообщила жильцу, что принесла самовар. Время совпадало, и Борис открыл. Только вместо кухарки в комнату ворвались скорохваты. Они не оплошали – выстрелить Борис не успел.

А ведь как хорошо шло поначалу! Истопником в Кремль Бориса взяли сразу. Человек Евно (как узнал позже Борис – личный секретарь императрицы) отвел его какому-то чиновнику и сказал тому пару слов. Тот кивнул и, поклонившись,

подозвал стоявшего в стороне Савинкова.

– Сергей Витальевич за тебя ручается, – сказал важно. – Не подведи его.

– Не извольте сомневаться! – заверил Борис. – Приложу все старания.

– Работу знаешь?

– Да, господин.

– Сегодня и приступишь. Сейчас тебя отведут к старшему над истопниками...

Насчет работы Борис не врал. Членам Боевой организации эсеров при подготовке терактов приходилось примерять разные личины: дворников, извозчиков, лавочников, истопников... Их этому специально обучали. Дело у эсеров было поставлено серьезно. Что личины! В Финляндии у них имелась динамитная мастерская, в которой трудились известные специалисты, снабжавшие эсеров бомбами для терактов.[4 - Реальный факт. Мастерская работала в Териоках (ныне Зеленогорск), затем – в Або.]

Старший истопник принял Бориса хмуро и, поспрашивав немного, определил носить дрова, чему Савинков только обрадовался. Топка печей его не привлекала: постоянно на глазах. Дров Кремль, несмотря на лето, потреблял много. Печи не топили, но имелись кухни с дровяными плитами, которые пылали от рассвета до заката. Топливо для них возили со складов ломовые извозчики[5 - Ломовые извозчики возили грузы, а не пассажиров.] – их нанимали на специальной бирже, каждый раз заново. В Кремле дрова сгружали в специально выделенные для того сухие подвалы. Сараев в монаршей резиденции не имелось – оскорбляли августейший взор. Изучив эту систему, Борис понял, что нужно делать. Эсеры обычно метали в своих жертв бомбы, но для этого следовало подобраться к тем близко. С императрицей этот номер не проходил. Ее охраняли, подобраться к царице на нужное расстояние истопнику не светило. А еще при таких актах метатели обычно гибли – либо от взрыва, либо от рук охранников. И то и другое Бориса не устраивало, поэтому он нашел выход.

Старший истопник постоянно ругал извозчиков: те нередко привозили топливо сырое или же не тех пород. В плитах дрова плохо горели, дымили или того хуже.

– Дубина! – возмущался старший истопник, проинспектировав очередную партию дров. – Как можно елку в плиту совать? Она же угольками стреляет! Угодит тот в кастрюлю, а после и в тарелку попадет.

– Уголек – не таракан, – лениво отбрехивался извозчик, которому такая господская привередливость мнилась чудной.

– Дозвольте мне ездить на склад, Тимофей Савич? – предложил Савинков, ставший свидетелем этого разговора. – От этих деревенских увальней толку не добьешься. Темнота-с.

– Займись, – согласился старший истопник. – Поглядим, как справишься.

Остальное было просто. Борис ревностно отнесся к поручению. Ездил с извозчиками на склад, дрова привозил сухие, лиственных пород. Старший истопник его хвалил, а потом и вовсе возложил на плечи новичка заготовку топлива. В руках Бориса оказались ключи от подвалов зданий, в том числе Кремлевского дворца. Оставалось завезти взрывчатку. Борис сообщил это Азефу, и тот с присущим ему умением организовал дело. Приказчика дровяного склада Борис подкупил, попросив не присутствовать при погрузке. Тот решил, что истопник хочет прихватить лишку дров, а потом продать на стороне, с чем легко согласился – обычное дело. Товар-то хозяйский, чего жалеть? А вот самому лишняя копейка не помешает. Быть у воды и не напиться... В нужное время к складу подъезжала ломовая повозка с ящиками, укрытыми рядом, пристраивалась к другим телегам и принимала поверх ящиков дрова. Грузчики и извозчик телеги были людьми Евно. Где их Азеф взял, Борис не знал и не задавал этих вопросов. Конспирация в Боевой организации соблюдалась сурово, каждый из ее членов знал только то, что ему следовало. Хотя организацию распустили, навыки остались. Возчиков, чтобы не спрашивали лишнего, при погрузке отправляли в трактир, предварительно снабдив деньгами. Те охотно соглашались, даже рады были. Хочет барин, чтобы они не застили ему глаза, ну и бог с ним! За полтину, которую Борис жалует, можно отменно посидеть в трактире – и не только чаю попить, но и водочки себе позволить.[6 - В реальной истории с началом войны в Российской империи действовал сухой закон, но это АИ.]

Гвардейцы на воротах Кремля на телеги с дровами внимания не обращали – обычное дело. Ломовых извозчиков они не знали, но сопровождавший их Борис показывал бумагу, выданную в канцелярии, – и повозки пропускали. Скоро и

бумагу спрашивать перестали – привыкли. Разгрузить какую-либо из телег, чтобы проверить, не ли чего снизу, гвардейцы даже не пытались – зачем? Не их работа. Успеху покушения способствовало и то, что дрова в Кремль привозили поздним вечером или вовсе ночью – дабы не оскорблять августейший взор подлой работой. Борис определял ломовым извозчикам места выгрузки, сам же отводил нужную телегу к неприметной двери с тыльной стороны Кремлевского дворца. Таким образом удалось буквально за неделю перетащить в подвал под царскими апартаментами несколько десятков пудов взрывчатки. Причем это был не динамит. От последнего у Бориса болела голова[7 - Реальный факт. Савинков испытывал головную боль, находясь в одном помещении с динамитом.], а тут такого не наблюдалось.

– Тринитротолуол, – подтвердил его догадку Азеф. – Германской выделки. Англичане раздобыли – не хотят, чтобы теракт связали с ними. Хорошая взрывчатка, посильнее динамита будет.

Англичане посоветовали, и как лучше тринитротолуол использовать. Борис набросал план подвала, помещений над ним, и рыжий британец, говоривший по-русски с акцентом, указал место, где стоит установить бомбу.

– Взрыв снесет несущую стену, после чего обрушатся перекрытия, – объяснил террористам.

– Стена толстая, – заметил Борис, – может устоять.

– Не с таким количеством взрывчатки, – улыбнулся англичанин. – Хватит с запасом.

Все вышло, как он сказал. В нужный день и в нужное время Борис заскочил в подвал, разбросал дрова, закрывавшие ящики с взрывчаткой, открыл верхний и установил поверх завернутых в бумагу шашек химический запал. Передавил щипцами жестяную трубку с ампулой, и, положив ее на взрывчатку, торопливо выбежал наружу. Англичанин сказал, что у него будет четверть часа, не более. За это время кислота из ампулы проест металл и воспламенит иницирующий состав.

Никто Бориса не остановил. Он благополучно выбрался из Кремля, миновал Красную площадь, только потом за спиной грохнуло. Высокие стены приглушили

звук, но он все равно впечатлил. Оглянувшись, Борис увидел столб пыли и дыма, поднявшийся выше колокольни Ивана Великого. Получилось!

На старую квартиру он не пошел. Остановив извозчика, велел тому ехать к Евно. Товарищ ждал.

– Дело сделано! – похвалился Борис, переступив порог квартиры.

– Молодец! – похвалил Евно и обнял Савинкова. Затем отступил и начал распоряжаться: – Переоденься! Я тебе кое-что приготовил. Надень парик и загримируйся. Вот саквояж, в нем деньги. Пятьдесят тысяч рублей, как и обещал. Как приведешь себя в порядок, поезжай по адресу... – Он продиктовал название улицы и дома. – К домохозяину не заходи, ключи у него я взял, за квартиру заплатил. Из дому носу не кажи, еду кухарка будет носить. Отсидись, а когда все уляжется, сам приеду.

Сидеть в комнатах день-деньской было скучно, и Борис много читал. Газеты и журналы приносил ему Петька, сынок кухарки, который был на посылках у жильцов. Савинков щедро вознаграждал мальчика, и тот старался услужить. Из газет Борис узнал, что покушение не удалось – императрица выжила, и огорчился, впрочем, ненадолго. И без того взрыв дворца сделал его знаменитым. Газетчики строили догадки: кто стоял за терактом, называли организаторов покушения хитроумными и дерзкими – это льстило самолюбию Бориса. Он прочел все статьи – а их было много. Борис знал, что его ищут – об этом тоже писали, но был уверен, что не найдут. Филеров возле дома он не замечал (окна его комнат выходили на улицу), а чувство опасности молчало. Уверенность возросла, когда в день, предшествующий аресту, его посетил домовладелец.

– Приходили из полиции, показывали вашу карточку, – сообщил постояльцу. – Я сказал, что такой у меня не проживает. Ушли ни с чем.

– Благодарю, – сказал Борис и протянул домовладельцу сотенный билет. Тот сунул банкноту в карман в карман и откланялся. Борис решил сбросить напряжение. Отправил Петьку в винную лавку, тот принес бутылку дорогого коньяка, которую Борис приговорил вечером. Оттого встал утром с тяжелой головой и молчащим чувством опасности. Так вот и попался.

Борис к этому отнесся философски – не в первый раз. Жалко было пятьдесят тысяч рублей, попавших в руки полиции, но деньги – дело наживное. За себя Борис особо не волновался – Евно не даст пропасть. Выкупил из тюрьмы, выкупит и во второй[8 - См. роман «Лейб-хирург»]. Поэтому на допросах Савинков молчал. Его били, довольно сильно, но Борис терпел. Сдавать Евно было никак нельзя. Во-первых, подло, во-вторых, товарищ – его спасение. На допросах жандармы стращали Бориса виселицей, в ответ Савинков улыбался разбитыми губами. Он уже сидел в камере смертников...

В тот день его потащили на допрос поздним утром. Войдя в комнату, Борис кроме знакомого следователя и охраны увидел двух генералов в мундирах. Одного он узнал: Татищев, командир Отдельного корпуса жандармов. Тот присутствовал на первом допросе Бориса, орал на него, требуя сдать подельников, топал ногами. Борис в ответ плюнул, после чего жандармы отмутили его до потери сознания. Второй генерал, вернее действительный статский советник, был незнаком. Молодой, рыжий, с орденами на мундире. Еще Борис разглядел у него знак военного врача. Что за тип? Чего ему нужно?

– Разденьте его до пояса и привяжите к стулу, – велел незнакомец конвоирам Бориса.

Татищев кивнул, и жандармы споро сорвали с Бориса пиджак, верхнюю и нижнюю рубахи, после чего усадили на стул и связали ему руки за спинкой.

– Пытать будет, сатрапы? – усмехнулся Борис. – Все равно ничего не скажу!

– Завяжите ему рот! – приказал врач.

– Зачем? – удивился следователь.

– Орать громко будет, – пояснил действительный статский советник. – Слюни пускать. Когда готов будет говорить, рот освободим.

– Не дождешься, сатрап! – выкрикнул Борис.

Более он ничего не успел сказать. Жандарм ловко завязал ему рот какой-то тряпкой. Говорить более не получалось – только мычать.

Действительный статский советник тем временем подошел ближе и несколько секунд молча разглядывал Бориса. В его зоре не было злости и ненависти, как у следователя или Татищева, к чему Савинков уже привык. Незнакомец смотрел на него гадливо, как на тифозную вошь. Затем он пробежался пальцами по телу Бориса, легко нажимая подушечками в каких-то ему интересных местах. Было щекотно. Внезапно под одним из пальцев будто током ударило. Борису было знакомо это ощущение: в одной из своих личин он подвизался в роли монтера, тогда и познакомился с электричеством.

– Кажется, здесь, – пробормотал незнакомец, вытащил из-за обшлага мундира маленькое шильце с ручкой-шариком на конце, какие используют скорняки для мелких работ, после чего воткнул его острым кончиком в тело арестанта.

Судорога скрутила тело Бориса. Так больно ему не было никогда в жизни. Боль терзала его, разрывая на части – его словно пилили заживо, причем тупой деревянной пилой. Терпеть этого не было сил. Мочевой пузырь и кишечник арестанта избавились от своего содержимого, в комнате завоняло, но Борис этого не ощутил. «Господи, дай мне умереть! – билась в голове отчаянная мольба. – Скорей, Господи!» В этот миг Борис забыл, что он атеист и страстно молился тому, чье существование ранее высокомерно отрицал.

Внезапно боль исчезла. Это было блаженством: великим, ни с чем не сравнимым – даже с близостью с женщиной. Радость охватила Бориса, он облегченно вздохнул и уже осмысленно посмотрел на своего мучителя. Тот выглядел невозмутимым.

– Будешь говорить? – спросил спокойно. – Если согласен, кивни.

В ответ Борис завертел головой. Не дождется, сатрап!

– Значит, повторим, – заключил сатрап и вновь воткнул в тело Бориса свое жуткое шильце...

Командир Отдельного корпуса жандармов встретил меня настороженно.

– Позвольте узнать, Валериан Витольдович, – сказал после того, как я представился и получил дозволение общаться без чинов, – чем вызван ваш визит? Я получил от государыни странное повеление: оказывать вам содействие в следствии о покушении на монаршую особу и никоим образом не препятствовать. Чем это вызвано? Государыня недовольна мной? Чем вы можете помочь? Вы спасли жизнь императрице, за что я, как верноподданный ее величества, всемерно благодарен, но при чем тут следствие? Ведь у вас нет опыта в этих делах.

– В следствии – нет, – согласился я. – А вот помочь развязать язык задержанному террористу попытаюсь. Насколько знаю, он молчит.

– Бесплезно! – махнул рукой Татищев. – Это Савинков, хорошо известная личность. Кремень! Терять ему нечего: на нем неисполненный смертный приговор, второй на подходе. Нет у него резона выдавать сообщников. Для эсеров это не характерно. Надо отдать должное подлецам – умеют подбирать людей. Или вы думаете: мы не старались?

– Но я все же попробую.

– Воля ваша, – пожал плечами Татищев. – Что нужно от меня?

– Позвольте встретиться с подследственным и велите своим подчиненным выполнять мои указания.

– Сейчас же распоряжусь! – кивнул генерал и нажал кнопку вызова адъютанта...

Небольшое отступление. В 90-е годы прошлого века в России случился бум нетрадиционных методов лечения. Чего только ни практиковали заполнившие страну шарлатаны! Исправляли карму, заряжали через телевизор воду, рекомендовали сыроедение и употребление в качестве питья собственной мочи. Не устояли и медики – некоторые включились в эту вакханалию. Имелось в том мутном потоке и здоровое зерно – в страну пришли доказавшие свою эффективность методики, например, иглоукалывание, оно же акупунктура. Для врачей, желавших обучиться ей, организовывали курсы, побывал на них и я. Иглоукалывание нам преподавал настоящий китаец, которого и звали

соответствующе – Ляо. Специалистом Ляо оказался правильным: первым делам показал, куда иголки втыкать никак нельзя, и объяснил почему. Желаящим (среди них оказался я) показал это на практике. Ощущения остались непередаваемые – в том смысле, что передать их было можно только матом. Указанные китайцем опасные места на теле человека я запомнил. С остальным не вышло: найти нужные для исцеления точки, используя специфические восточные методы, оказалось не под силу славянскому уму. Для этого нужно родиться китайцем, да еще учиться там энное количество лет, а не так, как мы, – на курсах. Специалиста по акупунктуре из меня не вышло, как, впрочем, из коллег. Повозились немного с иголками, повтыкали их в тела друзей и знакомых (в больных было стремно), после чего плюнули и забыли. Только мой друг Жора, которого я с помощью акупунктуры брался излечить от пристрастия к табаку, долго вспоминал. Обычно после двух-трех стопок пшеничного самогона (Жора варил его изумительно), когда участникам застолья приходило желание закурить...

Надо отдать должное Савинкову: мужиком он оказался крепким. Не сломался, даже сходя под себя. Для врачей в акте непроизвольного мочеиспускания или дефекации нет ничего постыдного, но обычному человеку, да еще на людях – позор, особенно крутому террористу. Шильце, купленное у скорняка, подействовало. Однако понадобилось два сеанса «иглоукалывания», прежде чем я различил во взгляде, устремленном на меня, ужас. И тогда сам сорвал тряпку со рта арестанта.

– Кто твой сообщник? Говори!

– Азеф... – выдавил Савинков.

– Что?! – Татищев метнулся к нам и встал рядом. – Он в Москве?

– Да...

– Адрес?

– Большая Никитская, доходный дом Рутенберга, седьмой номер. Живет под фамилией Ноймайера.

– Кто дал деньги и динамит?

– Англичанин.

– Имя?

– Не знаю. Высокий, рыжий, лицо лошадиное.

Кажется, я видел этого поца...

– Кто еще участвовал?

– Люди Евно, имен не знаю, у нас не принято спрашивать. Помогали возить взрывчатку. Это не динамит, а тринитротолуол германской выделки. Завезли несколько десятков ящиков. Где его брали англичане, не знаю.

– Может, это были немцы?

– Евно говорил, что англичане.

– Что еще знаешь?

– Ничего... – Савинков внезапно встрепенулся и посмотрел на нас с ненавистью. – Больше ничего не скажу. Будьте вы прокляты, палачи!

– Валериан Витольдович? – Татищев посмотрел на меня.

– Хватит! – покрутил я головой. – Не выдержит.

– Увести! – приказал генерал.

Конвойные подхватили арестанта под руки и, морщась – от Савинкова ощутимо воняло, вытащили из комнаты.

– Прикажете не спускать с него глаз, – попросил я.

– Почему? – удивился Татищев.

– Может покончить с собой. Для таких, как он, заговорить на допросе да еще нагадить под себя – великое потрясение. Нервический тип.

А еще я помню, как умер этот террорист в моем мире...[9 - Согласно официальной версии Савинков покончил с собой в тюрьме.]

– Не буду спорить, – согласился генерал. – Рощенков? Слышал?

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство! – отрапортовал следователь.

– Ну а мы навестим господина Азефа, – потер руки Татищев. – Не медля.

– Может, не стоит спешить? – спросил я. – Проследить за домом, улучшить удобный момент?

– Вы не знаете Азефа! – фыркнул генерал. – Осторожный, подлец, и хитер безмерно. Будем медлить – ускользнет. Надо спешить. Рощенков, собери срочно всех свободных. Выезжаем как можно скорей!

Всей кавалерией...

– Позвольте и мне с вами? – попросился я.

– Не смею препятствовать, – кивнул генерал. – После того как вы лихо заставили этого упыря говорить... Не знал, что умеете. Кстати, каким образом?

– Я врач и знаю, где у человека нервные узлы.

– Хм! Всего лишь иголка... Не поделитесь опытом? Мне понадобятся такие специалисты.

– Если отыщите медиков, согласных на такую работу.

– Именно врачей?

– Нужно контролировать состояние подследственного. Может умереть от болевого шока.

– Найдем! – кивнул Татищев.

Группа захвата выехала на трех автомобилях, одним из которых оказался «руссо-балт» Татищева. Меня он пригласил к себе.

– Давно желал повидаться с Азефом, – сказал в салоне. – Уникальная личность: слуга двух господ. Работал на Охранное отделение и одновременно возглавлял Боевую организацию эсеров. Преуспевал в обеих ипостасях: проводил теракты в отношении высокопоставленных чиновников и одновременно сдавал своих подельников полиции. Мерзавец! После восшествия на престол государыни скрылся за границей. Жил в Берлине. С чего, интересно, вернулся?

– Деньги.

– Вы так думаете?

– Что тут хитрого? У таких, как Азеф, нет убеждений и принципов. Только жажда наживы.

– Пожалуй, соглашусь, – кивнул Татищев. – При Савинкове нашли пятьдесят тысяч рублей – это много даже для террориста. Сомневаюсь, что их дали эсеры. Они отказались от террора, насколько знаю, и похоже, что твердо.

– Это деньги англичан.

– Почему не немцев?

– Те не содержали наших революционеров, этим занимались англичане.

– Вы неплохо осведомлены, – хмыкнул Татищев. – Не буду спрашивать, откуда. Но зачем англичанам убивать императрицу?

– Потому что она против мира с немцами. Государыня настроена решительно – только капитуляция. В случае ее Германия подпадет под российское

управление, а она брала у Британии кредиты на войну. Стоит ли говорить, что возвращать их не станут, а это сильнейший удар по интересам лондонских банкиров. То есть людям, которые правят Британией.

– Правят ей парламент и король.

– Король – больше церемониальная фигура, а в парламенте заседают выходцы из богатейших семей, сделавших состояние на ограблении колоний, морском разбое и уничтожении соотечественников. Слышали про огораживание? Однажды британские лендлорды решили, что выращивать овец на шерсть выгоднее, чем собирать арендную плату от крестьян. Они стали сгонять их с общинной земли, огораживая ее под пастбища. Тысячи людей остались без средств к существованию. Какая-то часть устроилась на мануфактуры, другая превратилась в бродяг. Чтобы они не оскорбляли взор лендлордов, парламент принял закон, и бродяг стали вешать. Причем не только взрослых, но и детей. Ребенка, чтоб вы знали, непросто повесить – слишком легкий. Палачи получили подробные указания, какой груз нужно цеплять к ногам детей, чтобы те гарантировано умерли.[10 - Реальный факт.]

– Какие ужасы вы рассказываете! – воскликнул генерал. – Неужели так было?

– Увы. И эти люди смеют называть русских царей жестокими. Иван Грозный по сравнению с Генрихом VIII – ангел Божий. Британец отправил на плаху людей в десяток раз больше русского царя. А его дочь Елизавета окончательно утвердила в Британии культ наживы. При ней были отброшены последние приличия. Человек с состоянием становился почтенным и уважаемым, при этом способ получения денег не имел значения. Сама королева охотно принимала подарки от пиратов. Время ее правления британцы называли золотым веком. Как думаете, остановятся такие люди перед убийством монарха другой страны?

– Страшные вещи вы рассказываете, – Татищев перекрестился. – Теперь понимаю, почему государыня отрядила вас помогать нам. Вам бы не лейб-хирургом, а канцлером служить.

– Меня устраивает нынешняя должность.

– Не скажите, Валериан Витольдович! – заспорил генерал...

За разговорами мы не заметили, как подъехали к нужному дому. Тот представлял собой четырехэтажное кирпичное здание. Выскочившие из автомобилей жандармы оцепили его со стороны улицы. Трое замерли у дальнего подъезда.

– Пойду, – сказал Татищев. – Вы, Валериан Витольдович, оставайтесь здесь. Сейчас наша работа. Вам опасно: Азеф может стрелять. Понадобится – пришлю человека.

Я кивнул – с чего спорить? Разумно. Однако из автомобиля вышел и стал наблюдать за операцией. Дом, где обитал главный террорист России, имел два подъезда. Татищев и его жандармы вошли в дальний, стоявшие на улице жандармы подтянулись ближе. К ним присоединились, к моему удивлению, и водители машин. Шоферы здесь отдельная каста, считаются ценными специалистами и занимаются только своим делом, но жандармы, видимо, привлекают их в таких случаях. Водители достали из кобур револьверы, жандармы – пистолеты. Лица их выглядели напряженными. Я решил не подходить – еще пальнут с испугу, и встал у афишной тумбы. Реноме безбашенного террориста, которым обладал Азеф, очевидно, заставляло жандармов нервничать. Только стрелять он не станет – не тот человек. Но как объяснить это жандармам? Рассказать, что я читал о нем в своем мире? Это Савинков мог отстреливаться до последнего патрона, Азеф – никогда. Эсерка Валентина Попова вспоминала, что как-то к ним в поместье в Териоках, где эсеры производили бомбы, наведалься Азеф. Среди прочих разговоров, кто-то вспомнил, что подвал в доме набит динамитом, и, если полиция их окружит, они взорвут его вместе с собой. Азеф тут же стал убеждать, что делать этого не нужно. Взрыв повредит соседние здания, могут погибнуть ни в чем не повинные финны, а ведь они приютили русских революционеров! Затем Азеф заявил, что ему нужно уходить, хотя перед этим собирался ночевать. И смылся, хотя его убеждали, что время позднее, поезда не ходят, а найти место в гостинице в Териоках – безнадежное дело...

К месту, где я стоял, здание выходило торцом, в нем имелись окна – надо понимать для освещения лестницы. Я хорошо видел их от своей тумбы. Окна выходили в узкий проулок, который вел к соседней улице. Поста здесь жандармы не оставили – второй подъезд. Квартира Азефа в первом...

Нижнее окно на торце здания внезапно распахнулось, и из него выглянула голова в котелке. Инстинктивно я шагнул за тумбу и стащил с головы фуражку,

чтобы не торчала. Сам же наблюдал одним глазом. Человек в окне стал осматриваться, но я полностью укрылся за тумбой. Послышался шлепок – что-то тяжелое упало на землю. Я выглянул. Внизу у стены валялся пухлый саквояж, а неизвестный мне человек неуклюже лез в окно ногами вперед. Хотя какой он неизвестный! Знаем мы эту личность.

Я выскочил из-за тумбы и, извлекая из кармана пистолет, зашагал к дому. Пока дошел, Азеф, а это был он, успел спуститься и подхватить саквояж. Меня он по-прежнему не видел, поскольку стоял спиной.

– Не двигаться! Буду стрелять!

В доказательство своих намерений я передернул затвор браунинга. Азеф замер, сгорбившись.

– Саквояж бросить и поднять руки вверх!

Он подчинился.

– А теперь повернулся ко мне! Медленно.

Через секунду я увидел жирное бородатое лицо. Этот Азеф мало походил на виденные мной фотографии в сети. Но его выдавали характерные толстые губы и покатый лоб.

– Надо же! – сказал он насмешливо. – Целый генерал с пистолетом. Чем обязан?

А в присутствии духа ему не откажешь. Ну, это ненадолго...

– Сейчас скажут, – пояснил я и вскинул браунинг к небу.

Банг!

В следующую секунду с улицы послышался топот сапог. Он приблизился, и в переулок ворвалось несколько жандармов.

– Вот! – сказал я им, указывая пистолетом на застывшего с поднятыми руками террориста. – Евно Фишелевич Азеф. Получите и распишитесь!

?

Квартира, в которой жил Азеф, имела выходы в оба подъезда. Такое в Москве не практиковалось, но домовладелец сделал перепланировку. По его указанию пробили стену между смежными квартирами, увеличив число комнат в роскошных апартаментах до семи. Эту особенность жилья Евно оценил и снял на длительный срок. Арендная плата оказалась высокой даже по столичным меркам, но на безопасности Азеф не экономил, тем более что деньги были. Петли второй двери он смазал маслом, так же, как и оконных рам в подъезде. Сделал это незаметно – к чему привлекать лишнее внимание? Он добропорядочный коммерсант, а те в окна не лазят.

После покушения на императрицу Азеф жил как на пороховой бочке. Полиция и жандармы трясли столицу, как мальчишки яблоню. На вокзалах дежурили усиленные наряды, которые проверяли документы пассажиров и встречавших. Это Азеф наблюдал, подъехав к вокзалу на извозчике. Выходить из коляски он не стал, велел лихачу[11 - Прозвище извозчиков, управлявших лучшими экипажами. Те имели шины-дутики, то есть пневматические.] ехать обратно – дескать, передумал. Покинуть Москву он не решился. У шпиков наверняка имелась его карточка, могли опознать. Одно дело, когда ты добропорядочный коммерсант и не привлекаешь к себе внимания в обычной жизни, другое – когда охранка стоит на ушах и шерстит всех подряд. Так и попасться немудрено.

Полиция приходила в дом, где обитал Азеф. Поговорила с домовладельцем, кухаркой и горничными. Евно узнал это от них самих. Коммерсант Ноймайер внимания полицейских не привлек, из чего Азеф сделал вывод: ищут не его. Скорее всего, охранка вышла на Бориса, что неудивительно: опознали по фото в деле. Арестовали товарища или нет, Азеф не знал – газеты об этом не писали, а другого источника сведений не имелось. Можно было отправить к Борису посыльного, но Азеф отверг эту мысль. Если товарища взяли, в квартире засада. Посыльного переймут и допросят, после чего нанесут визит нанимателю...

Жил Азеф сторожко. Из квартиры не выходил, еду ему приносили из ресторана – как и водку. Евно изображал ушедшего в запой коммерсанта – обычное дело в столице, прислуга к такому привыкла. Водку он выливал в ватерклозет,

горничная по утрам выносила пустые бутылки. Перед приходом официанта Азеф придавал себе растрепанный вид, не забыв прополоскать рот спиртным. Играть он умел, поэтому подозрения не вызывал. Окна его квартиры выходили на улицу, и Евно всякий раз наблюдал, как официант несет еду. Это позволяло подготовиться к его появлению и заодно проследить, не увязался ли хвост. Большую часть времени Азеф проводил у окна. Таясь за тюлевой занавеской, следил: не подъедет ли к дому полиция. К этому он был готов. Под столом в гостиной стоял собранный саквояж. В нем пара белья, туалетные принадлежности, пистолет браунинг-лонг с запасной обоймой и, конечно, деньги. Малый браунинг лежит в кармане пиджака. Стрелять Евно не любил, но ситуация могла потребовать. В случае ареста его ждала виселица. Товарищи не помогут – Боевая организация распущена, партия отказалась от террора. Азеф для них станет бельмом на глазу. Пенькового галстука ему не избежать. В минуты меланхолии Евно даже ощущал на шее ворс грубой веревки. В такие минуты позволял себе чуток выпить – не все ж лить водку в унитаз. Это приводило нервы в порядок.

В тот день Евно, как обычно, дежурил у окна и своевременно заметил подъехавшие к дому автомобили. Из них посыпались жандармы, которые направились к первому подъезду. Возглавлял команду генерал, его погоны хорошо просматривались из окна второго этажа. Сомнений не оставалось – по его душу. Евно подхватил саквояж и побежал к двери, ведущей во второй подъезд. Осторожно открыл ее и глянул в щель. Площадка пустынна, пост жандармы не выставили. Это означало, что они знают точный адрес. «Борис проболтался, – догадался Азеф. – Более некому. Сумели, значит, разговорить».

Переживать по поводу предательства было некогда – со стороны другой двери донесся звонок. Евно выскользнул на площадку, тщательно запер за собой дверь и спустился этажом ниже. Никто, к счастью, не встретился ему на пути. Жильцов в доме немного, но прислуги хватает. Та могла обратить внимание на странное поведение почтенного коммерсанта. Евно открыл окно, освещавшее площадку первого этажа, и выглянул наружу. Жандармов в проулке не наблюдалось, улица пустынна. У тротуара возле афишной тумбы застыл автомобиль, но водителя за рулем нет – Евно разглядел это хорошо. Пора! Накануне покушения Евно обзавелся «лежкой» – меблированной комнатой в доме у Хитрова рынка. Там, конечно, условия не те, что в покинутой им квартире, но зато безопасно – на Хитровке не выдадут. Сейчас Евно выберется на соседнюю улицу, найдет извозчика и, меняя их, прибудет на место.

Он выкинул в окно саквояж, затем полез сам. Получалось плохо. Мужчиной Азеф был в теле, в окна лазить не привык. Но справился. Спрыгнув на землю, Евно подобрал саквояж, выпрямился и услышал за спиной голос:

– Не двигаться! Буду стрелять!..

Оборотившись, Евно увидел перед собой чиновника с погонами действительного статского советника. В руках тот держал пистолет. На жандарма чиновник не походил, да и летами молод – похоже, случайный свидетель. Проходил мимо, заметил жандармов у подъезда и решил вмешаться. Евно решил заговорить ему зубы, но после выстрела вверх понял, что день сегодня не задался...

?

Жандармы сноровисто обыскали Азефа и надели ему наручники. Один из них осторожно отнес в сторонку отобранный у террориста саквояж.

– Там нет бомбы, – сказал я. – Он его на землю бросал, сам видел. Бомба взорвалась бы.

Не тот человек Азеф, чтобы ходить с бомбой...

– Все же покажем минеру, – не согласился жандарм. – Сейчас его позовут.

Дело ваше... Тем временем явился Татищев, за которым сбегал кто-то из жандармов.

– Кого я вижу! – улыбнулся он. – Господин Азеф! Рад встрече.

– Не скажу, что взаимно, – буркнул террорист.

– Вот что у него нашли, – один из жандармов показал карманный браунинг, – а вот еще, – он протянул генералу белую книжицу с двуглавым орлом на обложке.

Татищев взял ее и раскрыл.

– Ноймайер Александр Фридрихович. Паспорт выдан Министерством иностранных дел Российской империи. Разберемся, – он спрятал паспорт в карман. – Грузите его в машину!

Террориста увели.

– Как вышло, что Азефа задержал статский советник, а не вы? – Татищев хмуро глянул на жандармского ротмистра, стоявшего сбоку.

Ну да. Жандармов пригнал генерал, не дав им подготовиться захват, а виноват стрелочник.

– У него в квартире два выхода было, – смутился офицер. – Такого ранее не встречалось.

– А предусмотреть? Чуть не упустили. Изъявляю вам свое неудовольствие, господин ротмистр! Оставайтесь здесь, обыщите квартиру. Собранные улики отвезете в корпус. Я отправляюсь туда. Не терпится побеседовать с господином Азефом. Вы с нами? – повернулся он ко мне.

– Непременно! – кивнул я. – Без меня он не заговорит.

– Тогда прошу в автомобиль.

Дорогой мы молчали. Татищев, видимо, переживал оплошку своих людей, я думал о другом. Азеф непременно заговорит – даже без моей помощи, это не Савинков. Но я все равно заставлю его наложить в штаны. Пусть это будет маленькой мстью. И не надо считать меня садистом! Вы видели раздавленные тела людей, которых доставали из завала? Нет? Ну, так молчите! Нет и не может быть оправдания убийству невинных людей, какими бы высокими целями не прикрывались террористы. Стоит начать делить их на хороших и плохих, как они придут в твой дом. США на этом обожглись: сначала вырастили Аль-Каиду и ИГИЛ, а потом годами разгребали последствия. Это ошибку совершили большевики, возведя в ранг героев фанатичных убийц[12 - Например, Халтурина и Каляева.]. Их имена давали улицам, часть которых сохранили свое название и поныне. задумайтесь! Россия, которая пострадала от терроризма и ведет с ним борьбу, бережно хранит память об убийцах. О них пишут книги и снимают фильмы. Это началось в царской России, продолжилось в СССР, а затем – после

его распада. На хрена, спрашивается? Что полезного принесли эти типы русскому народу? Боль, страдание и смерть? Пусть же будут прокляты и забыты.

В здании корпуса мы поднялись в кабинет генерала. Один из жандармов занес в него саквояж Азефа, проверенный минером, и разложил его содержимое на столе. Брезгливо глянув на белье, Татищев повертел в руках пистолет, отложил его в сторону и взял лист веленовой бумаги.

– Вы были правы, Валериан Витольдович! – сказал, обернувшись ко мне. – Чек на сто тысяч фунтов стерлингов, выдан лондонским банком. Это ж какие деньжищи! Мне за всю жизнь не заработать. Да еще рубли, – он посмотрел на пачки в банковских упаковках. – Сколько здесь, считали? – спросил у жандарма.

– Нет еще, ваше превосходительство. Но на первый взгляд – около пятидесяти тысяч.

Татищев покачал головой.

– Несите улики в допросную! – велел жандарму. – Привяжите Азефа к стулу, как перед этим Савинкова. Мы с Валерианом Витольдовичем сейчас подойдем.

Жандарм поклонился, сгреб вещи в саквояж и вышел.

– Говорить с Азефом буду сам, – сказал мне генерал, сделав непреклонный вид.

– Как скажете, – поклонился я. – Но у меня будет просьба. Я буду изображать злого следователя, а вы – доброго.

– Хм! – Он посмотрел на меня с интересом. – Где вы этому учились?

Читали-с.

– Секрет, – развел я руками...

По сравнению с Савинковым, Азеф оказался жиже, что, впрочем, и ожидалось. Поплыл он сразу. Замычал, закрутил головой, показывая горячее желание говорить, но я все равно довел его до мокрых штанов. Подскочивший по моему

знаку жандарм сорвал тряпку с лица террориста.

– Ваше превосходительство! – заголосил Азеф. – Не нужно более! Я все скажу.

– Валериан Витольдович? – подошел Татищев.

– Еще один укольчик! – Я сделал зверскую рожу.

– Ваше превосходительство! – завопил Азеф. – Умоляю! Убери от меня этого маниака!

– Валериан Витольдович, отойдите! – велел Татищев, но глаза его смеялись.

Я с деланой неохотой отступил на пару шагов. Азеф заговорил, выплевывая слова, как пули. Следователь едва успевал записывать. Время от времени Азеф бросал на меня испуганные взгляды, в эти мгновения я скалил зубы и показывал ему шильце, которое продолжал вертеть в пальцах. Азеф вбирал голову в плечи и начинал говорить еще быстрее. Наконец он выдохся и умолк.

– Вы можете вызвать этого Джеймса к себе в квартиру? – спросил генерал.

– Не придет, – покачал головой Азеф.

– Почему?

– Он очень осторожен, к тому же недоволен мной. Покушение не удалось, государыня выжила. Джеймс даже требовал вернуть деньги.

– Но вы, конечно, не согласились, – усмехнулся Татищев. – Плохо, господин Азеф, плохо.

– Укольчик? – предложил я.

– Не надо! – встрепенулся Азеф. – Я знаю, где его можно застать. Он обедает в ресторане «Лондон», приходит туда каждый день к восьми часам вечера. Берет отдельный кабинет.

– Уведите! – приказал генерал. – Что будем делать, Валериан Витольдович? – спросил меня уже в кабинете. – Арестовать подданного Британии да еще дипломата – скандал. Британцы возмутятся. Показания Азефа и Савинкова против слов Джеймса не потянут. В Лондоне скажут, что мы принудили подлецов это сказать. Чек... Его могли выписать те же немцы через лондонский банк.

– Давайте доложим государыне, – предложил я. – Покажем ей чек и показания террористов. Пусть решает.

– Хорошо, – согласился Татищев, как мне показалось, с облегчением. Еще бы! Есть на кого переложить ответственность. – Только у меня просьба. Не говорите государыне о нашей промашке. Я со своей стороны отзовусь о вас с лучшей стороны.

На том и порешили. Императрица приняла нас без промедления. Выслушала доклад генерала и посмотрела на меня. Я кивнул, подтверждая слова Татищева и, незаметно для него, сделал жест, давая понять, что нужно поговорить наедине.

– Благодарю, Дмитрий Николаевич! – сказала Мария. – Я не забуду вашего усердия. Можете быть свободны. Валериан Витольдович, оставайтесь.

Татищев встревожено глянул на меня. Я слегка кивнул, дескать, помню. Генерал поклонился и вышел.

– Слушаю, – сказала Мария.

– С англичанами мы попали в неловкое положение, – начал я. – Если обвинить их в покушении на вас, то это война. А она нам не с руки – тут бы с Германией справиться. Но и прощать им нельзя – уроним честь империи.

– Что предлагаете?

– Я поговорю с Джеймсом.

– Для чего?

– Попытаюсь сделать его нашим агентом.

– Предлагаете избавить его от ответственности за содеянное? После того, что он совершил?!

– Именно, государыня. Джеймс всего лишь пешка. Наказать его все равно, что отшлепать пол, о который ушибся ребенок, или поломать ружье, из которого застрелили человека. Ответить должен тот, кто отдал приказ.

– Каким образом?

– Око за око.

– Вы предлагаете убить короля Британии?!

– Король здесь не при чем. Думаю, даже не знает о причастности к делу своих подданных. Приказ исходил от премьер-министра.

– Уверены?

– Почти. Сомневаюсь, что это инициатива мелкого чиновника.

– Вы правы, – сказала она, подумав. – Но совершить покушение на премьер-министра не просто.

– Британцы сделали, значит, и мы сумеем.

– Как?

– Они нашли человека в вашем окружении и сумели пронести взрывчатку во дворец. Позаимствуем опыт. Для этого и нужен Джеймс.

– А если выплывет наружу? Как это случилось у них? Это война, которая нам не нужна.

– Британии – тоже. У нее противоречия с Францией из-за колоний. Франция давно ищет повод прищемить хвост британцам, чтобы расширить свои владения в Африке. Она встанет на нашу сторону. В покушении на вас мы обвиним немцев. Азеф приехал в Россию из Берлина, так что вполне мог быть агентом германского Генерального штаба, о чем и объявим. Как бы ни оправдывались немцы, им не поверят – им выгодна ваша смерть. После такого обвинения от них отвернутся даже те, кто поддерживал до сих пор.

– Для врача вы неплохо разбираетесь в политике, – усмехнулась Мария.

– Смотрю газеты.

– В них такого не пишут.

– Я читаю между строк. В моем мире это умеют.

– Сомневаюсь. Что ж, Валериан Витольдович, вы справились с поручением, и я сдержу обещание. На днях объявим о вашей помолвке с Ольгой. Но есть одно обстоятельство: мужем наследницы престола может стать исключительно православный человек. А вы католик, по крайней мере, формально.

– Мне принять крещение?

– Католику не обязательно, тем более что в своем мире вы были православным. Достаточно исповедоваться священнику, причаститься и делать это впредь.

– А как с тайной моего происхождения?

– Это не грех, поэтому раскрывать ее не нужно. Кайтесь в том, в чем действительно повинны. Я подберу духовника, который не станет задавать лишних вопросов.

Еще один соглядатай...

– Согласны?

– Да, государыня.

– Еще просьба. Не компрометируйте Ольгу. Что случилось, то случилось, но оставаться у нее на ночь запрещаю.

Недолго музыка играла. Я вздохнул.

– Потерпите. Война закончится, сыграем свадьбу. А пока можете навещать Ольгу, проводить с ней время наедине, но ночевать извольте отправляться домой. Понятно?

– Да, государ ыня.

– Можете быть свободным.

– А как с Джеймсом?

– Поговорите с ним. Исходя из результата, будем решать.

Ну, хоть что-то.

– До свиданья, государыня...

3

На фронт Пров приехал без сапог.

Дело было так. Поезд, который вез маршевый батальон к фронту, остановился в каком-то городке – паровозу требовалось пополнить запасы воды. Солдаты сдвинули дверь теплушки, в которой ехали, и с любопытством уставились на станцию и окружающие ее дома. Те утопали в цветущих садах. Их аромат плыл над городком, перебивая вонь угольного дыма и креозота, которым пропитали шпалы железной дороги.

– Из вагона не выходить! – приказал командовавший взводом унтер. – Стоять долго не будем. Кто отстанет – запишут в дезертиры.

После чего спрыгнул на землю и куда-то убежал. Пров сел на пол теплушки и свесил ноги наружу. Рядом пристроились товарищи – кто поместился. Остальные остались стоять за их спинами. Тут к ним и подошел этот мужичок. Одетый в серую косоворотку, в картузе и с большой холщовой сумой через плечо, он скокнул к вагону и хитро посмотрел на Прова из-под кустистых бровей.

– Добрые у тебя сапоги, служивый, – сказал елейно. – Продай!

– Ну да! – усмехнулся Пров. – А ходить-то в чем?

– Лапоточки дам, – сказал мужичок, засунул руку в суму и достал пару лаптей. – Вот, как раз на твою ногу. Онучки у тебя есть, веревочкой обвяжешь – и ходи. Веревочку тоже дам.

– В лаптях много не навоюешь! – хмыкнул сидевший рядом с Провом Прохор.

– На фронте другие дадут, – успокоил мужичок. – Нешто можно солдату без сапог? А доехать и лаптей хватит. Я тебе рубль заплачу.

– Ты что, дядя?! – возмутился Пров. – Добрые сапоги пять рублей стоят, а то и шесть.

– Так то новые, – не смутился мужичок, – а твои ношенные. Не хочешь рубль, тогда – вот! – Он достал из сумки штоф водки. – Выпьешь дорогой. На фронте не нальют.

– А давай! – махнул рукой Пров, подумав.

Его примеру последовал Прохор. Для него у мужичка нашелся второй штоф и пара лаптей. Набежали и другие покупатели. К возвращению унтера пятеро солдат поменяли сапоги на водку[13 - Типичная ситуация в реальной истории. Некоторые ушлые солдаты, получив новые сапоги взамен пропитых, тут же снова их продавали.]. Унтер разогнал торговцев и запрыгнул в теплушку. Паровоз дал гудок, и поезд тронулся.

– Ну, архаровцы! – сказал унтер, разглядев лапотное войско. – Будет вам по приезде! Да и мне с вами.

– Не сердись, Корнеич! – сказал Пров. – На войну едем. Вместе в окопах гнить. Лучше выпей с нами, окажи уважение обществу.

Корнеич оказал. Лапотники сели в рядок на нарах и под завистливые взгляды остальных солдат приступили к действию. Пили из котелка, слив в него водку и прикладываясь по очереди. Закусывали сухарями с консервами, благо еды хватало. Хорошо посидели! Поговорили, подымили сигарками – те, кто баловался этим делом. К концу застолья Пров повалился на нары и захрапел. Его примеру последовали и другие выпивохи.

Отрезвление наступило завтра. Поезд прибыл на полустанок, батальону дали команду покинуть вагоны и построиться у насыпи. Маршевый взвод Корнеича вытянулся в две шеренги. Вдоль длинного строя засновали офицеры, разглядывая пополнение. Хитрый унтер запихнул лапотников за спины первого ряда, но не преуспел. Чернявый подпоручик, подошедший к ним, оказался глазастым.

– Так! – сказал зловеще. – Опять лапотники. Друщиц! – повернулся к сопровождавшему его фельдфебелю: – Определяй их в сортирную команду.

– Понял, ваше благородие! – кивнул фельдфебель и скомандовал: – Те, которые без сапог, выйти из строя!

Пров с остальными подчинился.

– Орлы! – сплюнул подпоручик. – Рожи помятые, от самих винищем разит. Куда смотрел, унтер?! – глянул он на Корнеича.

– Виноват, ваше благородие! – опустил тот голову.

– Сам знаю, что виноват! – хмыкнул офицер. – Небось, сам с ними водку трескал. Чему вас там, в запасных полках, учат? Ладно, об этом позже. А теперь слушай меня! Сейчас отправляемся в расположение дивизии. По приходу проверю снаряжение. Если у кого-то чего не достает, стоимость пропажи вычтут из

жалованья. И не дай бог кто-то надумает штык пропить! А то нашлись умники. Нож хороший[14 - Напоминаю, что в этой реальности русские солдаты вооружены винтовками Манлихера с клинковым штыком.], его в деревне на самогон мигом сменяют. За утрату оружия виновного ждет трибунал и штрафная рота[15 - Вопреки утверждениям либералов, штрафные подразделения в армии придумали не большевики. В Российской императорской армии они появились в Первую мировую войну, как и заградотряды. По указу Николая II добровольно сдавшиеся в плен русские солдаты и офицеры подлежали суду и бессрочной высылке в Сибирь, а любой военачальник, увидев сдачу в плен своих войск, обязан был открыть по ним огонь: «орудийный, пулеметный и ружейный!» Вот такой хруст французской булки.]. Ясно?

– Так точно, ваше благородие! – рявкнул взвод.

– Вольно! Вопросы есть?

– Дозвольте, ваше благородие? – спросил Пров и, получив кивок, продолжил: – Что такое сортирная команда?

– От французского слова «сортир», – усмехнулся офицер. – По-простому – нужник. Будете выгребные ямы чистить.

– А сапоги дадут?

– Нет уж! – хмыкнул подпоручик. – Опять пропьете. Были прецеденты. Походите в лаптях, раз такие умные. Говно в них носить сподручней.

Солдаты за спиной Прова засмеялись.

– Командуй! – велел офицер фельдфебелю.

– Лапотники, стать в строй! – рыкнул тот. – Взвод, равняйся! Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!

Так начались для Прова фронтовые будни. Впрочем, фронта он поначалу не увидел. Прибывших из запасного полка солдат поместили в отдельном лагере, где принялись обучать[16 - Обычная практика в реальной истории.]. Показывали,

как наступать, стрелять по мишеням, колоть штыками чучела. Заставляли повторять по многу раз. Командовали новобранцами унтеры-фронтовики и боевые офицеры. Учили не так, как в запасном полку. Не бежать на врага густой цепью, вопя «ура!», а двигаться вперед перебежками. При этом одни бегут, а другие, лежа, стреляют по врагу – в первую голову по пулеметным гнездам.

– Попасть в пулеметчиков вряд ли удастся, – говорил командовавший учебной ротой поручик с орденом на груди. На левом рукаве его кителя имелась золотистая нашивка за ранение[17 - Красная армия позаимствовала это у императорской. Различие было в том, что в царской армии офицеры носили золотистые нашивки, а нижние чины – красные. В советской армии цвет нашивки стал обозначать степень ранения: легкое – красная нашивка, тяжелое – золотистая. И носили на груди, а не на рукаве.], – но бояться их заставите. Собыете им прицел, а это значит, что больше товарищей добежит до супостата.

Учили драться в траншеях, используя малую лопатку и штык-нож.

– С винтовкой несподручно, – объяснял унтер, – длинная она. В траншее не развернешься. Поэтому забросил ее за спину, в одну руку – нож, во вторую – лопату, и действуй! Сейчас покажу. Вот ты! – Он указал на Прова. – Коли меня штыком!

– По-завправдошнему? – поинтересовался Пров, снимая с плеча манлихер. – Или понарошку?

– Как учили, – хмыкнул унтер, – не боись!

Пров и ударил – сильно, со всей дури, однако в унтера не попал. Тот отбил лопаткой направленную в него винтовку, шагнул вперед, и его рука со штыком замерла у живота солдата. Пров от неожиданности сглотнул.

– Вот так! – усмехнулся унтер. – Кто тебя учил колоть, деревенщина? Так не только штык, но и ствол винтовки в тело вобьешь. Замучаешься после вытаскивать. А пока будешь мешкать, тебя заколют или пристрелят. Колоть нужно легко и метить в живот, а не в грудь. Он мягкий, штык не застрянет. Понял?

Пров кивнул.

– А теперь сняли штыки с винтовок, взяли их в одну руку, а лопату – в другую. Будем учиться...

Еще солдатам выдали противогазы и обучили ими пользоваться. Необходимо было плотно пригнать маску к лицу, а затем ходить в ней и даже бегать. Прову и другим солдатам не понравилось: тяжело дышать, окуляры запотевают, из-за чего плохо видно. Но унтера и офицеры следили, чтобы никто не вздумал ослабить в маске ремни. Стекла, чтобы не потели, велели мазать мылом. Еще им показали, что такое газы. Приехавший из расположения штаба дивизии офицер и сопровождавшие его солдаты поставили в поле палатку, чего-то намудрили в ней, и велели всем по очереди входить в противогазах. Пров не почувствовал ничего, а вот Прохор попался. Не затянул как следует ремни, поэтому и хлебнул газку. Из палатки выбрался на четвереньках, а затем, сорвав маску, мучительно кашлял. Лицо его налилось кровью, из глаз текли слезы.

– Поглядите на него! – сказал командовавший «химиками» поручик. – Решил схитрить. Только газ не обманешь. Убьет мигом, да еще мучиться будешь, легкие выхаркивая. Поняли?

Солдаты мрачно закивали. Вот же придумали, германцы! Чтоб их, на куски порвало, нечисть нерусскую!

Ходил Пров в лаптях, как и другие «умники». Его это не напрягало – привык в деревне, а вот городские мучились. Бурчали, а Пров только смеялся. Лапти – они легкие, а дождь... Что дождь? Вечером скинул лапти и онучки, за ночь просохнут. Это не сапоги. Одна беда – изнашиваются быстро. Но лес рядом, липа в нем растет, лыко есть. Плести лапти Пров умел. Сделал себе кочедык[18 - Инструмент для плетения лаптей и корзин.] из расплющенного на камне толстого гвоздя, вставил его в рукоять и орудовал, протаскивая лубяную ленту через основу. Плел лапти себе и неумелым горемыкам – не за так, конечно. Кто давал двадцать копеек из жалованья (солдату платили рубль в месяц), кто расплачивался махоркой. Пров не курил, поэтому махру менял на нужные вещи, например, кожу, которой подшивал лапти снизу. Так они носились дольше.

Ну и нужники... Чистить их приходилось часто – гадили солдаты много. Ну, так кормили хорошо. Утром – чай с фунтом хлеба. Днем – щи с говядиной, каша с постным маслом, хлеб, чай. Вечером – каша, хлеб, чай. В постные дни давали рыбу, обычно, сушеных снетков, поэтому щи шли пустые. Мясо, сваренное в щах,

доставали из котла и делили на порции. Те выходили большими: солдату полагался фунт мяса в день, правда, сырого, но все равно получалось от пуза. Деревенские так сытно ели впервые в жизни. Не то чтобы дома голодали, но четыре дня в неделю мясо, а в постные дни рыба – это праздник. В деревне мясо ели обычно зимой, когда с наступлением холодов били скот.

Нужники чистили так. Подгоняли к задней части телегу с погаными бочками, зачерпывали ковшом на палках содержимое выгребных ям и наполняли им бочки. Везли те за версту от лагеря, где вываливали в овраг. Грязь, вонь... Товарищи по несчастью морщились, Пров посмеивался. Ему, деревенскому парню, ходившему за скотом, таскать навоз и чистить хлев не в новинку. А грязь... Так помыться можно. Воды хватает, мыло выдают, не ленись – и будешь чистым. Над сортирной командой солдаты посмеивались, золотари становились объектами шуток. Прова они не цепляли. От своего положения он имел прибыток на лаптях. Начальство хвалило его за усердие – военному делу Пров учился добросовестно, поэтому числился в лучших. А все почему? С малых лет привык слушать старших и постигать ремесло. Стал добрым плотником, с наступлением холодов ходил в город на заработки. Умел пахать, косить, ходить за скотиной. В деревне считался завидным женихом, но окрутить его не успели – ушел жить в город. Земли у отца было мало, а вот ртов много, потому Пров, когда ему стукнуло шестнадцать, покинул родной дом. Работал в плотничьей артели, затем устроился на фабрику, где сколачивал из досок ящики. Ходил в вечернюю школу, где научился бойко писать и считать. В деревне на это не было времени – работы много. В городе жить легче. Отработал десять часов – и свободен. Работа не тяжелая – знай, колоти себе молотком. Это не косить и не землю пахать. Пров не пил – хотя по праздникам себе позволял, и не курил, чем выгодно отличался от других рабочих. Хозяин был им доволен и обещал сделать мастером. Но случилась война...

Обучать батальон должны были два месяца, но после шести недель в лагере солдат отправили на фронт. Перед этим «сортирной команде» выдали сапоги.

– Глядите! – упредил фельдфебель. – Пропыете снова – отправитесь в штрафники. На сей счет есть указание. А то взяли моду. Весь тыл в солдатских сапогах ходит[19 - Так было и в реальной истории.], а на фронте солдаты босые. Казна для солдат ничего не жалеет: кормят от пуза, сроки носки обмундирования и сапог отменили, меняют по потребности[20 - Как и в реальной истории.]. Оружие есть у каждого, не то, что в начале войны, когда винтовок не хватало и приходилось ждать, когда кого-то убьют или ранят, чтобы забрать.

Только воюй!

К фронту шли пешим маршем. Прибыли к вечеру. Батальон раздергали по частям. Взвод Прова попал в третью роту, второго батальона Могилевского полка. Командовал ротой подпоручик, годами как бы не моложе Прова. Но на груди его красовалась медаль, на левом рукаве – нашивки за ранения. Из других офицеров в роте имелись два прапорщика. Командовать взводом определили Корнеича – унтеров в роте не хватало. А вот отделенными поставили опытных фронтовиков. Прову и Прохору достался ефрейтор Поздняков – степенный дядька годами за тридцать.

– Сейчас – на кухню ужинать, – сказал он пополнению. – После размещу.

Покормили их хорошо: кашей с мясом. Хлеба дали – не съесть, и Пров спрятал остатки в мешок.

– Правильно, – одобрил Поздняков. – С утра чаю не будет.

– Отчего? – удивился Пров.

– В наступление пойдем, – пояснил Поздняков. – Воевать лучше натошак. Ежели пуля или штык в брюхо, то с пустым, может, и выживешь. А вот с полным точно помрешь. Каждому дадут по банке консервов, чтобы, после того как германца выбьем, поесть. А сейчас – за мной!

Их отвели к землянке, куда солдат набилось как сельдей в бочку.

– Некогда новую рыть, – сказал Поздняков, – да и незачем. Завтра нас здесь не будет.

Солдаты кое-как улеглись на нарах. Было так тесно, что ворочались по команде – по одному не получалось. Так вот и мучились ночь. На рассвете их подняли и вывели в траншею. Солнце поднималось за спиной, день обещал быть ясным и безветренным.

– Готовьтесь! – предупредил ефрейтор. – Проверьте оружие, снаряжение. Противогазы – особо.

– Их-то зачем? – спросил Прохор.

– Германцы газы готовят, нас об этом упредили. Так что подгоните ремни плотно. Ручные бомбы кидать умеете?

Солдаты промолчали.

– Ясно, – усмехнулся Поздняков. – Недоучили. Позже покажу – тем, кто выживет.

Солдаты занялись оружием. Пров загнал обойму в магазин манлихера и передернул затвор. Поставил оружие на предохранитель, примкнул штык. Привычные действия успокоили его. Ночью он плохо спал – не столько от тесноты, сколько от тяжких дум. Предстоящий бой страшил. Выживет он или сгинет? И как это выйдет у него – колоть штыком живого человека? Чай не свинья, а Божья душа. Мысли эти не давали покоя, и забылся он только к утру. Сон был жутким. Вот Пров бежит в атаку, а навстречу ему немец: огромный и здоровенный, как деревенский кузнец Кузьма. В руках у германца винтовка с блестящим штыком, и тот метит им Прову прямо в живот. «А я вечер брюхо набил», – с ужасом вспоминает Пров и пытается отбить своим штыком германский. Но руки почему-то не подчиняются, и острая сталь входит ему в живот. Пров пытается закричать, но голоса нет...

В траншею Пров выбрался хмурым.

– Ты с чего такой? – спросил Прохор.

– Да снилось всякое, – буркнул Пров. – Как германец меня штыком колол.

– Боисся? – вмешался подошедший ефрейтор.

– Боюсь, – признался Пров.

– Ничего, – сказал Поздняков, – все боятся по первости. Да и по другому разу – тоже. Тут главное до германца добежать, а там страха не будет. Только успевай поворачиваться!

– А где сейчас германец? – спросил Прохор. – Далеко?

– Там его окопы, – указал рукой ефрейтор. – Аршин триста будет. Мигом добежим.

В этот момент за спиной загрохотало, и говорить стало тяжело. Все умолкли. На германской стороне встали огромные черные кусты. Выброшенная взрывами земля опадала, оставляя облака дыма и пыли. Пров и Прохор заворожено смотрели на происходящее: подобного они еще не видели. Сколько это продолжалось, они не знали, но казалось, что вечность. Внезапно грохот стих. Облако пыли, укрывавшее передний край немцев, внезапно окрасилось в желто-зеленый цвет.

– Внимание! – раздалось за спиной. – Всем слушать меня!

Пров оглянулся. Позади их траншеи стоял командир роты.

– Наши снаряды разбили баллоны с газом, – продолжил подпоручик. – Сейчас он накрывает германские траншеи. В них не лезть, а также в окопы и блиндажи. Живых там не будет, а вот газу хлебнуть можно. Так что перепрыгиваем и бежим дальше. Приготовить противогазы! Все из траншеи!

Поручик засвистел в свисток. Солдаты дружно выскочили на бруствер.

– Рота! Газы! Вперед!..

Бежать было тяжело. Пот градом катился с лица Прова и скоро захлюпал в маске. Желто-зеленое облако приближалось медленно – так казалось Прову, но, наконец, он нырнул в него. Видно было плохо, и Пров едва не свалился в траншею. Но вовремя заметил и перепрыгнул, а через десяток шагов и облако кончилось. Видно стало лучше, хотя через окуляры маски смотреть было несподручно. Внезапно перед Провом возник черт в темной одежде и с нечеловеческой рожей. Черт уставился на солдата и застыл. «Ах ты, нечисть!» – подумал Пров и ткнул черта штыком. Тот со скрипом вошел в тело нечистого и застрял. Пров изо всех сил рванул на себя манлихер, и штык, окрашенный кровью, выскочил наружу. Черт прижал руки к груди и повалился на траву.

– Не бей так сильно! – сказали над ухом. – Чему вас учили?

Пров оглянулся: рядом стоял Поздняков. Маски на его лице не было.

– Сымай противогаз! – велел ефрейтор. – Газы кончились.

Пров с радостью стащил маску с лица и сунул ее в сумку.

– Не стой! – приказал Поздняков. – Одного германца заколол, молодец, но их еще до хрена. Вон видишь? – Он указал рукой.

Пров увидел спины убежавших от них немцев. Они были совсем близко.

– Вперед, братцы! – раздался в стороне голос командира роты. – За ними! Не отпускай!

И Пров побежал. «Это был не черт, а германец в маске, – сообразил на ходу. – И я его заколол. Надо же!»

Без противогаза бежать было легко. В несколько прыжков Пров настиг ближайшего немца и ткнул его штыком повыше крестца. Клинок вошел в тело германца на ладонь – в этот раз Пров бил легко. Немец осел на землю, и Пров разглядел на его лице маску. «Они не сняли противогазы, – понял солдат, – потому и бегут медленно. А мы – шибче!» От этой мысли ему стало весело, и он надал. Догнал следующего, ткнул штыком, перепрыгнул упавшее тело, и устремился далее. Над головой засвистели пули, но он не обратил на это внимания. Траншея возникла внезапно. Пров увидел над бруствером лицо в каске, немец целился в него из винтовки. Грохнул выстрел, но пуля прошла мимо – второпях немец промахнулся. Пров на бегу развернул винтовку и ударил окованным затыльником приклада по каске. Голова немца мотнулась, он отлетел на шаг и упал на дно траншеи.

«Ага! – вспомнил Пров. – Тут с манлихером не развернуться». Он отомкнул от винтовки штык и забросил ее за спину. Извлек из чехла лопатку, взял ее в левую руку, а рукоять штыка – в правую. Сделал это в считанные секунды – сказались тренировки. Спрыгнув в траншею, Пров побежал направо и через несколько шагов увидел немца. Тот стоял у бруствера и целился в кого-то из винтовки, Прова он не видел. Солдат подскочил и ударил немца клинком в бок.

– Ферфлюхте швайн! – крикнул немец и сполз на дно траншеи. Пров побежал далее. По сторонам раздавались выстрелы, свистели пули, неподалеку затрещал пулемет, но Пров словно не слышал этого. Внезапно траншея вывела его в окоп. Там двое немцев возились у пулемета. Один откинул крышку ствольной коробки, второй заправлял в нее ленту. Прова они не видели. Солдат рванулся вперед. Ближнего к нему немца он ударил штыком в спину и, оставив тот в теле врага, махнул лопаткой. Заточенная до бритвенной остроты боковая грань перерубила второму немцу горло и застряла в хребте. Германец издал хрип, схватился руками за торчавший снаружи край лопатки и сполз на дно окопа. Потерявший оружие Пров, стащил манлихер и снял винтовку с предохранителя. «А ведь я сегодня не выстрелил ни разу», – вспомнил он и настороженно глянул в траншею, заходившую в окоп с другой стороны. Бежать далее расхотелось. Так и стоял, ожидая появления врага. Но тот не пришел. Зато совсем рядом раздалось «ура!», топот ног, и в окоп прыгнул командир роты.

– Молодец! – похвалил, разглядел трупы на дне. – Силен! Двоих зарезал. То-то, смотрю, пулемет замолчал. Прижал он нас... Как фамилия? – спросил Прова.

– Рядовой Курицын! – вытянулся Пров.

– Фамилия у тебя не геройская, – усмехнулся подпоручик, – но сам орел. Сколько германцев убил?

– Так это... – задумался Пров. – Всего шестеро наберется. Двоих в поле заколол, двоих в траншее прибил: одного – прикладом, другого – штыком, ну и этих... – Он кивнул на мертвых немцев.

– А еще захватил вражеский пулемет, благодаря чему рота смогла ворваться в траншею противника. А это, между прочим, вторая линия обороны, которой мы овладели с малыми потерями. Орден Славы тебе, солдат, и чин ефрейтора! Лично похлопочу.

– Рад стараться, ваше благородие! – гаркнул Пров.

– Старайся! – кивнул подпоручик. – Глядишь, и сам благородием станешь. За три Славы офицерский чин дают.

Командир роты убежал, а Пров остался стоять, не зная, что делать дальше. Таким его и нашел Поздняков.

– Чего застыл? – спросил сурово.

– Да вот...

Пров рассказал про разговор с командиром.

– Везет тебе, деревенщина! – хмыкнул ефрейтор. – В первом же бою отличиться! Орден, да и чином меня догнал. Хотя заслужил. Видел я, как ты бежал. Шагов на полсотни других опередил, в траншею первым спрыгнул. Думал, скосит тебя германец, а оно вон как вышло. За пулемет спасибо. Коли б не ты, многих бы положил. И без того досталось. В моем отделении двое убитых и трое раненых. Тебя не зацепило? Кровь на гимнастерке.

– Это не моя, – сказал Пров.

– Добре, – кивнул ефрейтор. – Приводи себя в порядок и иди туда, – он указал в сторону, откуда пришел. – Скоро кухня подъедет. Чаю попьем, хлеба поедем.

– А германец? Воевать более не нужно?

– Экий ты ненасытный! – засмеялся Поздняков. – Куда более? Побили их всех. Мы сегодня две германские траншеи захватили, а такое редко бывает. Далее без нас разберутся. Вон, гляди! – Он указал рукой в сторону, противоположной той, откуда рота наступала.

Пров выглянул. Траншея располагалась на гребне холма, и отсюда хорошо было видно, как по расстилавшему внизу лугу ползли вдаль зеленые стальные коробочки. Из их башен торчали пруты пушек.

– Что это? – спросил Пров.

– Наши броневики. Мы с тобой через газ шли, а они сбоку проскочили. Теперь погонят германца! Иди!

Поздняков убежал. Пров вытащил из убитых штыки и лопатку, очистил лезвия от крови, потыкав их в землю, а затем вытерев о мундиры покойников. Странно, но тот факт, что он убил их, Прова не взволновал. Они же в наших стреляли! И вообще черти в противогазах. Чего жалеть?

На убитых Пров нашел кобуры с пистолетами. Ранее он их не заметил: немцы упали на них, прикрыв телами. Подумав, Пров снял кобуры вместе с ремнями и сунул в вещевой мешок. Пригодятся. Пистолет носить солдату не позволят, а вот на подарок сгодятся. «Один командиру роты дам, – решил Пров, – чтоб про орден и чин не забыл. Второй – Корнеичу, мне с ним служить». Ободренный этой мыслью, он забросил мешок на плечи и затопал в указанном направлении.

Возле кухни толпились солдаты. Среди них Пров с радостью разглядел Прохора. Поздняков сказал, что в отделении убило двоих, среди них мог быть дружок. Прохор тоже обрадовался.

– Живой! – сказал, хлопнув Прова по плечу. – А я тревожился. Видел, как ты бежал, а потом в германскую траншею сиганул. Думал, что прибьет тебя германец.

– Это я их прибил – четверых в траншее зарезал, – похвалился Пров. – Их благородие сказал, что орден мне за это и чин ефрейтора.

– Да ну? – не поверил Прохор.

– Вот тебе крест! – Пров перекрестился. – Я пулеметчиков уничтожил. Командир сказал, что б, кабы не я, они бы многих положили.

– Это точно! – согласился Прохор. – Голову нельзя было поднять. В отделении Фрола и Акима убили. Увезли их. Похоронят в родной земельке.

– А это чья? – удивился Пров.

– Польская. А ты ерой! – Прохор снова хлопнул друга по плечу. – Причитается с тебя.

Стоявшие рядом солдаты загомонили, поддерживая.

– Так взять негде, – развел руками Пров.

– Отделенный сказал, что скоро дальше пойдем, – сообщил Прохор. – Будем деревней проходить, купим самогону.

– Так тут поляки, – засомневался Пров. – Они, поди, наших денег не берут.

– Найдем за что, – понизив голос, сказал Прохор. – Ты, это, чаю возьми и отойдем.

Пров так и поступил. Повар влил ему в котелок черпак чаю и дал ломоть хлеба. Пров отошел в сторону и присел на траву. Прохор пристроился рядом. Пров кусал хлеб и запивал его горячим чаем, а дружок тихо шептал на ухо.

– Ты, как бежал, немца заколол. Сам-то далее порскнул, а я приотстал. Тут пулемет начал стрелять. Я за этим немцем схоронился. Гляжу: унтер ихний, а не солдат, и в кармане что-то выпирает. Я залез рукой, а там... Глядь!

Прохор оглянулся и протянул кулак. Раскрыл его, и Пров увидел лежащие на грязной ладони часы.

– Серебро, – сказал Пров. – Идут, проверил. Ты немца убил, значит, твои. Хочешь – отдам, а скажешь – на самогон сменяем. Все по слову твоему будет.

Пров задумался. Часов у него никогда не было, и он мечтал их купить. Стоили часы дорого. Зарабатывал он неплохо, и мог себе позволить, но требовалось помогать родителям с младшими – жили они бедно, так что не сложилось. Несколько мгновений жадность в нем боролась с рассудком, и рассудок победил. Бог с ними, часами, другие будут.

– На общество пустим, – сказал другу. – Сменяем на самогон и сало. Давно сала не ел.

– Держи! – Прохор протянул ему часы.

– Не, – помотал головой Пров. – Сам займись. У тебя это ловчей выйдет. Только сторожко: за мародерство могут и под суд отдать – Корнеич предупреждал.

Прохор кивнул и спрятал часы в карман. Пров доел хлеб и допил чай. Как раз вовремя. К кухне подошел Корнеич и велел поредевшему взводу строиться. Пров распустил горловину вещевого мешка, достал кобуру с ремнем и подошел к взводному.

– Вот, господин унтер, – сказал, протягивая кобуру. – Подарок вам. С убитого немца снял.

– Ух ты! – воскликнул унтер, достал из кобуры пистолет и некоторое время рассматривал. Затем сунул обратно. – Красивый. Только зря ты мне его дал. Ротный увидит и заберет. Скажет: «Не по чину унтеру. Казенный наган носи!»

– У меня для него другой есть, – успокоил Пров.

– Ну, ты жох! – рассмеялся Корнеич. – А вообще молодец! Слыхал про твой подвиг, а еще – про орден и чин, которые тебе подпоручик обещал. Теперь точно получишь, не забудет.

Он отвернулся от Прова и скомандовал:

– Взвод! В колонну по два становись!

4

Джеймс прожевал последний кусочек мяса, запил его темным элем и сыто рыгнул. А чего стесняться? В кабинете ресторана он один. Вызвав звонком официанта, Джеймс велел унести ему грязную посуду. Оставшись в одиночестве, извлек из кармана футляр с сигарами, достал одну и, срезав перочинным ножиком кончик, раскурил. Хорошо! Ростбиф, конечно, не такой, как в Британии, но мясо сочное и прожарено по-английски – с кровью. Эль тоже неплох. В этом русском «Лондоне» стараются. Официанты вышколены, говорят по-английски. Единственное место в дикой стране, где хоть на короткое время можно почувствовать себя родине. Как ему не хватает доброй старой Англии! Там можно чувствовать себя свободным, а не изображать любезность в отношении аборигенов, которым место на помойке. В Лондоне – настоящем, а не в

ресторане, Джеймс русских чиновников на порог бы не пустил. И плевать ему на их ранги и мундиры! Мичман британского флота – и тот стоит выше русского адмирала, потому что за ним империя, над которой не заходит солнце. А что у русских? Огромные пространства, покрытые льдом и снегом, дикий народ, большая часть которого неграмотна. Какие из русских офицеры? Смех! Да британский томми[21 - Прозвище английских солдат.] даст фору местному полковнику. Не удивительно, что русские до сих пор возятся с немцами. Британия, будь у нее желание, стерла б бошей в порошок. Только для этого пришлось бы потратить жизни британских солдат. Зачем, если есть русские?..

Джеймс выпустил клуб дыма. Русские обезьяны! Даже покушение на свою императрицу не смогли толком организовать – она уцелела. Если б не этот придворный лекаришка, которого дьявол принес к месту взрыва, могло б получиться. Но тот прибыл, организовал спасательные работы, а затем вылечил императрицу[22 - Подробности в романе «Лейб-хирург»]. Из-за этого у Джеймса неприятности. В Лондоне выразили неудовольствие. Потрачены огромные деньги, а результата нет. Джеймс пытался вернуть хотя бы фунты – бог с ними, рублями! – но эта жирная свинья Азеф даже разговаривать не стал. «Вы давали деньги на покушение, и я его совершил! – заявил нагло. – В том, что императрица осталась жива, моей вины нет. Взрывчатку дали вы, где и как ее заложить показали тоже. Так что до свидания!» Джеймсу пришлось уйти ни с чем. А что оставалось? Азеф опасен. Если русские узнают, что покушение на их императрицу организовала Британия... Джеймс даже головой затряс, отгоняя эту мысль. Азефа следовало ликвидировать, но как это сделать без шума? Осторожен, сволочь! Джеймса встретил с пистолетом в руке, и не выпускал его, пока британец не ушел. К тому же убивать самому... В Лондоне Джеймс легко отыскал бы головорезов, которые за сотню фунтов не только расправились бы с негодяем, но и вернули чек. Но где найти таких полезных людей в Москве? Варварская страна!

Проклятый русский лейб-хирург! Любой цивилизованный человек на его месте с удовольствием согласился бы работать на Британию. Это почетно и выгодно. Вместо этого дикарь избил Джеймса, а потом вовсе сорвал ему операцию. Убить бы! Джеймс не стал бы скупиться и заплатил сам. Но убить князя – это не бродягу в подворотне зарезать. Где найти нужных людей?..

Джеймс погрузился в размышления. В этот миг дверь распахнулась, и кабинет вошел в тот, кого британец приговорил к смерти. В руке он держал кожаную папку. От неожиданности Джеймс едва не подавился дымом. Русский закрыл за

собой дверь и подошел ближе.

– Добрый вечер, мистер Джеймс! – сказал по-английски и улыбнулся, после чего продолжил на том же языке: – Рад видеть вас. Извините, что отвлек, но вы, как вижу, пообедали, так что аппетит не испорчу. Позвольте присесть?

Не дожидаясь согласия, он взял стул и устроился напротив. Принесенную с собой папку положил на столешницу.

– Чем обязан? – спросил пришедший в себя Джеймс.

– В прошлую встречу у нас произошел конфликт с неприятными последствиями, – сказал русский. – Я был несдержан. Приношу свои извинения.

Джеймс сглотнул. Он, что, издевается?

– Я подумал над вашим предложением и пришел к выводу, что мы могли бы плодотворно сотрудничать.

– Вы согласны работать на британское правительство? – изумился Джеймс.

Он окинул незваного гостя опытным взглядом. Одет в штатский костюм – из дорогой ткани, но неброский. На голове – котелок, надвинутый на глаза. Русский явно не хочет быть узнанным. Хм... Неужели?

– Не совсем так, – сказал гость. – Я пришел, чтобы предложить вам работать на русское правительство.

– Шутите?!

– Нисколько.

Русский взял папку, достал из нее какие-то листки и протянул Джеймсу:

– Вы ведь читаете по-русски?

Джеймс взял листки и впился в текст взглядом. По-русски он читал уверенно и понять, что держит в руках, навыка хватило. Это был протокол допроса Азефа. Не фальшивка. В тексте мелькали детали, которые могла знать только эта жаба и никто более. В конце последней страницы красовалась надпись «копия верна» и печать.

Задрожавшей рукой Джеймс положил листки на стол. Русский их тут же прибрал и спрятал в папку.

– Есть еще протокол допроса Савинкова, – сообщил Джеймсу. – Но я его брать не стал – этот террорист знает меньше. Однако если захотите ознакомиться...

Джеймс поднял ладонь, показывая, что в этом нет необходимости.

– Приятно видеть такое понимание, – улыбнулся русский. – У Азефа мы нашли большую сумму в рублях и чек лондонского банка на его имя. Сто тысяч фунтов! Огромная сумма. Представляете заголовки в газетах? «Британия заплатила сто тысяч фунтов за смерть русской императрицы!» Какой будет скандал! Европа встанет на уши.

У Джеймса закружилась голова.

– И всему виной один англичанин, – продолжил гость. – Какой у вас чин, Говард?

– Лейтенант-коммандер[23 - Равен капитану третьего ранга во флоте или майору в сухопутной армии.], – выдавил британец.

– До Бонда не дорос[24 - У знаменитого Джеймса Бонда был чин коммандера, то есть капитана второго ранга или подполковника. Такой чин носил автор бондианы Ян Флеминг.], – произнес лекарь непонятную фразу по-русски и продолжил на английском: – Но тоже неплохо. Хороший будет заголовок: «Британский лейтенант-коммандер организовал покушение на русскую императрицу!». Не завидую вам, Джеймс! Вашей карьере конец, и это меньшая из неприятностей. А вот крупная... Вы станете неудобной фигурой для вашего правительства. Вас немедленно отзовут в Лондон, и я полагаю, что до острова не доплывете – исчезнете по пути. Например, свалитесь за борт. Есть такая русская поговорка: концы в воду. Слышали?

Джеймс оттянул пальцами ставший тугим воротник сорочки.

– Выше голову, лейтенант-коммандер! – улыбнулся русский. – Неприятностей можно избежать, более того, остаться в прибыли. Какое у вас жалованье?

– Двадцать четыре фунта в неделю[25 - Средний британский рабочий получал в то время 2 фунта в неделю. Так что 24 – это очень прилично.].

– Что вы скажете насчет пятидесяти?

Джеймс задумался. Это странный русский вел себя порядочно. Вместо того чтобы давить, угрожая разоблачением, как поступил бы сам Джеймс, предлагал сделку. И похоже, выгодную. Деньги лишними не бывают. Русский прав: будущее Джеймса ждало незавидное. Его и без того могут отозвать в Лондон – источник информации в Кремле потерян, поручение по ликвидации императрицы не выполнено. В МИ-6 не любят неудачников. Джеймс потеряет доступ к суммам, которые выделяли для агентов. Немалая часть их оседала в кармане англичанина – обычное дело у резидентов. Это считалось их доходом – неофициально, конечно. По этой причине занять должность руководителя разведывательной сети за границей можно только по протекции. Связи есть, но в этой ситуации не помогут. Его ждет прозябание на заштатной должности со скромным жалованьем, а то и вовсе отставка. Ну и чем заняться? Поступить на службу в Ройял Нэви[26 - Королевский военно-морской флот Великобритании.], благо чин позволяет? Родственники похлопочут. Но у него нет опыта, начинать придется с низшей должности – в Ройял Нэви с этим строго. На ступени, которые офицеры в его чине проходят молодыми, он станет взбираться стариком. Можно, конечно, не служить – переводить книги, писать статьи в газеты, но это нужно уметь. Да и платят мало. Призвание Джеймса в другом – он рожден для разведки. Несколько лет снабжал Британию ценной информацией, покушение организовал блестяще. Не его вина, что императрица уцелела. Тем не менее в Лондоне недовольны. Если русские помогут с информацией, да еще дадут денег... Почему бы нет? Шпион – профессия почетная, платят хорошо. Работать против своей страны? Не страшно. У короля много[27 - Английская пословица. В оригинале: «King has a lot». По преданию, этой фразой английский капитан провожал тонущий корабль.]. К тому же русские дикари вряд ли смогут воспользоваться полученными сведениями – для этого нужно родиться и вырасти в Британии. А вот денег с дикарей можно требовать много.

– Цифра сто мне нравится больше, – сказал Джеймс.

– Настоящий британец! – хмыкнул гость. – Своего не упустите.

Джеймс оскалился, показав лошадиные зубы.

– Только торг вряд ли уместен, – сказал русский.

– Работа агента опасна, поэтому высоко ценится, – возразил Джеймс и бросил потухшую сигару в пепельницу. – Азеф обходился нам не дешево, а я не какой-то там террорист. Британский офицер стоит дорого.

– Логично, – кивнул русский. – Я доложу руководству. Но, чтобы убедить, нужны факты. Я должен знать ваши возможности. Расскажите о себе.

– Что конкретно? – поинтересовался Джеймс.

– Происхождение, учеба, служба. Как вы попали в Россию и почему именно вы? Детство можно опустить, – русский улыбнулся.

– Это займет много времени, – сказал Джеймс.

– Я не спешу. С умным человеком приятно поговорить. Заказать выпить? Что вы предпочитаете: джин, скотч? Или коньяк?

– Джин, – сказал Джеймс. – Сухой.

– Хороший выбор, – кивнул русский. – Я оплачу заказ. Этот обед, – он указал на тарелки, – тоже. Как тут звать официанта?

Джеймс дернул за шнур на стене. В отдалении прозвучал звонок...

?

У моего друга Жоры в том мире имелся приятель из «гэбни». Боевой офицер, прошедший кавказские войны, получивший там два ордена, три ранения и аденому простаты, которую я благополучно удалил. Сергей, так звали офицера,

мог лечиться в ведомственном госпитале – у ФСБ он есть, но у меня к тому времени сложилась репутация, так что небольшой финт ушами – и чекист лег к нам. Операция прошла штатно, то есть без побочных последствий. С Сергеем мы сдружились. Человеком он оказался порядочным – из тех офицеров, что служат Родине, а не начальству. По этой причине в запас вышел майором. Он не раз составлял нам с Жорой компанию на мужских посиделках. О чем говорят мужики, когда выпьют? О бабах? С возрастом эта тема отходит на второй план. Мы перемывали косточки начальству. Начинали с местного, затем переходили к федеральному. Закончив с начальством, принимались за литературу и кино. Вы думали, что отставники только рыбалкой интересуются? Нет, ею тоже, но в нашей компании любили читать книги и смотреть кино. Последнее большей частью советское – то, в котором актеры с каждым годом играют все лучше. О современных фильмах мои друзья отзывались так, что уши сворачивались. Материться они умели мастерски. Как-то зашла речь о нашумевшем сериале о Великой Отечественной войне, где главный герой против своей воли становится агентом НКВД в немецком тылу, заменив погибшего брата-близнеца.

– Пидарасы! – кипятился Сергей. – Козлы долбанные! Это ж надо такое придумать! Героя заставляют работать на НКВД, взяв в заложницы его жену, которую к тому же насилуют. Кровавую гэбню им захотелось показать, либерастам спидоносным! Хоть бы тему изучили! При Сталине всякое бывало, но чтобы так обращаться с ценным агентом? Да с них пылинки сдували, об их семьях заботились. Даже в то трудное время они не знали бед. А чтоб какая-то морда посмела обидеть жену агента... Ему бы свои шею свернули и сказали, что так было.

Сергей махнул рюмку и захрустел груздем. Жора солил их отменно.

– Это общее правило всех разведок: агента нужно любить. Обращаться с ним ласково, можно сказать, нежно. Завербовать можно и шантажом, ну а после – другой подход. Плати деньги, потакай прихотям, льсти, водку с ними пей, по бабам ходи, если потребуется. Иначе взбрыкнет. Перестанет давать информацию – и что ты ему сделаешь? Сольешь местной контрразведке? Так он резидента спалит, а с ним – и всю сеть. Ликвидируешь? Такое только в кино бывает. Полиция начнет копать, выйдет на связи – и сеть накрылась, а ее порою десятилетиями выстраивают. Огромный труд насмарку из-за какого-то дебила? В СССР в сталинские времена сильнейшая разведка была. На нас английские лорды работали! [28 - Желаящие могут погуглить «кембриджская пятерка».] Людей в разведку в то время подбирали по способностям, а не по анкетам и

родственным связям. Как только изменили подход – все посыпалось...

Сергей много говорил, а мы слушали. Потом я это забыл. Однако память наша, как огромный чулан, куда складывают ненужные вещи. Приходит момент, и ты вспоминаешь: а вот это у тебя было! Начинаешь рыться в завалах и обретаешь искомое. К разговору с Джеймсом я готовился серьезно. Озаботился бумагами, мысленно выстроил разговор, переоделся в штатский костюм. Не в мундире же с орденами идти! Это все равно, что объявить громко: «Я князь Мещерский! Смотрите, к кому пришел!» В «Лондон» явился заблаговременно, сел в дальнем уголке, заказал бифштекс и кружку эля. Увидел, как пришел Джеймс и скрылся в кабинете. Подождал, когда он поест – сытый человек добрее. После того как официант вынес из кабинета грязную посуду, зашел.

Чего я не ожидал, так это быстрого согласия Джеймса. Думал, лайм станет упираться. Однако тот принялся набивать цену, и я подыграл. Предложите человеку рассказать о себе любимом, и он с радостью согласится. Любой из нас ощущает себя недооцененным, каждому хочется внимания и похвалы. А если за это, вдобавок, платят... Прихлебывая халявный джин, Джеймс болтал, а я слушал, изображая восхищение и поддакивая. Биография лайма не удивила – типичная для британского офицера. Сын лорда, но на титул и семейное состояние рассчитывать не мог – младший сын. В Британии все достается старшему. Младшие делают карьеру: поступают в военные училища, университеты, становятся офицерами, политиками, священниками. По негласной традиции им в этом помогают родственники и знакомые[29 - Так, к примеру, было у Черчилля. Его успеху в карьере активно способствовала мать. Ну и сам будущий премьер-министр был не промах.]. У Джеймса в детском возрасте обнаружилась способность к языкам. Родители это заметили и определили сына в Кембридж. По окончании университета помогли стать офицером разведки – это в Британии престижно. Начинал Джеймс в МИ-5, то есть в контрразведке. Был причастен к задержанию французского шпиона, за что получил повышение в чине и орден. Со временем родственники помогли перейти в МИ-6, то есть во внешнюю разведку. Служба за границей виделась более привлекательной в плане карьеры и денег. В Кембридже Джеймс изучал славянские языки. Присоветовал отец, сказав, что это перспективнее, чем хинди или арабский. В Индии и на Ближнем Востоке Британия давно, специалистов хватает, а вот Россия и прилегающие к ней страны освоены слабо. А это перспективный регион! Плодородные земли, полезные ископаемые – все это пригодится в Британии в нужное время. Так Джеймс оказался в Москве...

Меня не удивила его откровенность: лайм продавал товар. А то, что при этом сдавал Родину, так это бизнес и ничего личного. В рассказе меня зацепила одна деталь.

– Извините, Говард, – сказал, перебив разошедшегося и порядком поддатого лайма. – Вы сказали, что в МИ-5 занимались проверкой персонала, обслуживавшего членов правительства?

– Да, – важно кивнул Джеймс.

– В том числе премьер-министра?

– Именно!

Лайм приосанился.

– Помните людей, которых проверяли?

– У меня отличная память, князь!

– Можете составить меморандум, указав людей в окружении премьера поименно? Должность, возраст, пол, семейное положение, пристрастия и слабости – как можно подробнее.

– Зачем это вам? – удивился Джеймс.

– У вас был осведомитель в окружении русской императрицы, мы хотим иметь своего у британского премьера.

– Хотите, чтобы я его завербовал?

– Для этого нужно вернуться в Лондон. Это не так просто, как я понимаю, – зависит от решения вашего руководства. К тому же опасно: вербовка может провалиться, и на вас донесут в МИ-5. Вы слишком ценный агент.

– Хм! – ухмыльнулся Джеймс. – А вы неплохо разбираетесь в наших делах, князь. Не ждал этого от доктора.

– Я военный врач, Говард, к тому же имел дело с разведкой. (Ага, германской. Застрелил немецкого резидента.) Можете обращаться ко мне по имени. Вы сын лорда, я князь, мы с вами аристократы, поэтому можем общаться накоротке.

Джеймс напыщенно кивнул. Аристократ, ёпть! Я хоть телом настоящий, а эти... «Нет ничего более фальшивого, чем английская аристократия. Их лорды, как правило, вовсе не потомки крестоносцев и паладинов Карла Великого, а наследники тюдоровских торговцев шерстью, елизаветинских пиратов, а также колониальных торговцев и арматоров времен Реставрации», – писала мадам де Сталь[30 - Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817), французская писательница, теоретик литературы, публицист.].

– Предлагаю двадцать фунтов за каждое лицо в вашем меморандуме.

«Так ты даже уборщицу не пропустишь, – подумал я. – А она для нашего дела важнее секретаря. Но зачем, тебе знать не следует».

– Двадцать пять фунтов за человека, – сказал Джеймс. – Обещаю, что вспомню всех.

– Договорились! – кивнул я. – Теперь пара формальностей. Не смогу заплатить вам, не имея обязательства о сотрудничестве.

– Обосновано, – кивнул Джеймс. – У вас есть перо и бумага?

У меня были.

– На каком языке писать? – спросил Джеймс.

– На двух. Вы ведь владеете русским?

Англичанин кивнул и быстро набросал обязательство. Несмотря на выпитое, рука его выводила буквы твердо. Я взял листок, прочитал и спрятал в папку. Затем достал второй.

– А теперь напишите, по чьему приказу вы организовали покушение на русскую императрицу. По-английски.

– Зачем это, Валериан? – насторожился лайм.

– Чтобы не передумали. Обещаю, что эта бумага никогда не попадет в руки британских властей. Если вы, конечно, будете вести дела с нами честно. Слово джентльмена.

Джентльмен, как известно, хозяин своему слову. Как дал, так и забрал.

– Хорошо, – неохотно согласился Джеймс. – Все равно знаете о моей роли. Когда будут деньги?

– А когда – меморандум?

– Через день.

– Успеете?

– В окружении премьера не так много людей. Вам ведь интересны слуги, а не политическое окружение Ллойда-Джорджа[31 - Премьер-министр Великобритании в 1916 – 1922 годах. В этой реальности пришел к власти раньше.]]?

– Окружение тоже пригодится, но начнем со слуг. Встречаемся через день здесь в то же время. Сколько фунтов приготовить?

– Тысячи хватит.

– Будет.

Джеймс написал признание, я пробежал его глазами и спрятал бумагу в папку.

– Скажите, Валериан, – спросил лайм, – что будет с Азефом и Савинковым?

– Их ждет суд и суровый приговор.

– На суде они могут сказать, кто их нанял.

– Исключено. Во-первых, суд будет закрытым, репортеров в зал заседания не допустят. Мы объявим, что это из соображений безопасности – затронуты государственные секреты. Россия ведет войну... Репортерам вручат меморандум, – едва не сказал «пресс-релиз», – в котором сообщат: покушение на императрицу совершено террористами по указанию Германского генерального штаба. Азеф ведь приехал из Берлина. Вы, к слову, можете поставить это себе в заслугу. Дескать, так поработали с агентами, что они даже на суде не выдали нанимателя.

– Спасибо, Валериан! – Джеймс горячо пожал мне руку. – Я этого не забуду.

– До встречи, Говард! – ответил я и откланялся, перед этим заплатив официанту за ужин и выпивку. Англичанин принял это благосклонно – кто из нас не любит халяву?

Ехать к государыне было поздно, к тому же от меня разило спиртным – пришлось пить с этой сволочью, поэтому я отправился домой. Там составил подробный отчет о разговоре, изложил свои соображения и лег спать. Утром отправился во дворец. Императрица еще носила на ноге аппарат Илизарова, поэтому считалась больной. Канцелярия не перегружала ее делами, получить аудиенцию несложно. К тому же я врач. Этим мы маскировали причину частых визитов. Что может быть естественней посещением пациентки доктором?

Мария приняла меня незамедлительно.

– Докладывайте! – велела после взаимных приветствий.

Я протянул ей отчет и расписки англичанина. Она пробежала листки глазами и отложила их в сторону.

– Ловко! Сомневалась, что у вас получится – вы ведь не занимались вербовкой в своем мире. Или я чего-то не знаю?

– Не занимался, государыня. Но у меня были хорошие друзья, которые рассказали, как это делается.

А еще я читал мемуары разведчиков – советских и зарубежных. Интересно было.

– Ваше мнение о Джеймсе?

– Слизняк. Поплыл, как только понял, что может умереть. Жаден. Торговался за каждый фунт.

– Кстати, о деньгах. Вот тут, – она указала на отчет, – вы оперируете немалыми суммами. Фунт стерлингов – это почти десять рублей. Вы предлагаете платить англичанину тысячу рублей в неделю. У нас столько генерал-адъютанты не получают. Что генералы! У премьер-министра жалование меньше. Не слишком ли расточительно?

– Оплата услуг Джеймса не будет стоить казне и копейки.

– Это как? – изумилась Мария.

– У Азефа при аресте изъята крупная сумма в рублях и чек на сто тысяч фунтов. С рублями ясно, а фунты можно получить в швейцарском банке. Ну, там доверенность от владельца чека или передаточная надпись – не знаю, как это делается здесь, но такая возможность, полагаю, существует. Специалисты подскажут. Таким образом, мы будем платить британцу британскими же деньгами. Хватит лет на двадцать.

– Ловко! – улыбнулась Мария. – Я вот не подумала. У меня есть личный вопрос: каково это – быть вербовщиком?

– Противно, государыня. Руки чесались – хотелось свернуть шею этой сволочи. Он повинен в смерти десятков людей, в том числе детей и женщин. Но пришлось загнать чувства далеко и улыбаться мерзавцу.

– Вы повзрослели, – сказала Мария. – Смешно это говорить немолодому человеку, каковым вы являетесь, но другого слова не подберу. Вы не просто врач, Валериан Витольдович, но еще и придворный, который входит в окружение

российского монарха. Нам нередко приходится делать то, что обычному человеку мерзко. Таков крест, возложенный на нас Господом. Хорошо, что вы это осознали и выразили готовность взвалить, ношу на свои плечи. Такого человека я с охотой приму в семью. Надеюсь, вы будете добрым помощником дочери, когда придет время, и она встанет во главе Государства российского. Я могу на это рассчитывать?

– Да, государыня! Но я все же врач, а не политик, и желал бы, чтобы дела, подобные этому, – я указал на листки, – выпадали нечасто.

– Время покажет, – отмахнулась Мария. – Возможно, вам самому захочется проявить себя в иной ипостаси. Вы много знаете и умеете, причем такого, что неведомо окружающим вам людям. Вы этого не замечаете, но со стороны очень видно. Генерал Татищев, командир Отдельного корпуса жандармов, в восторге от вашего содействия делу о взрыве Кремлевского дворца. Прислал мне письмо, в котором ходатайствует о награде. Полагает, что без вашего участия не удалось бы задержать Азефа и выйти на след англичан. Я так тоже считаю. Еще генерал просит, чтобы обучили его подчиненных вашим методам допроса подследственных. Не возражаете?

– Нет, государыня. Но я бы просил дать указание применять эти методы в исключительных случаях. Например, когда вина арестованного не вызывает сомнения и требуется получить сведения о сообщниках. Иначе у следователей может возникнуть соблазн, применяя пытки, выбить признание у подозреваемых, когда вина их не очевидна. Такое было в моем мире. Многих людей осудили и казнили без вины. Это был страшный период в истории России, который получил название Большого террора.

– Рада, что вы это понимаете, – кивнула Мария. – Пытки в России запрещены еще прапрабабушкой, и я не хочу возвращать их в общую практику. Подготовьте соответствующий указ, я его подпишу. Привлеките сотрудников моей канцелярии – они помогут с формулировками.

– Сделаю, государыня! – поклонился я.

– Нам нужно кое-что обсудить, Валериан Витольдович, – сказала императрица. – Дело, которое вы предлагаете в отношении англичан, небывалое для России. Никогда еще ни один русский монарх не отдавал повеления убить правителя

другого государства. И пусть премьер-министр не монарх, но последствия могут быть тяжкими. Если это станет известно, от нас отвернутся даже дружественные страны.

– Нужно сделать так, чтобы не узнали. Как я успел убедиться, в русской разведке служат профессионалы своего дела[32 - Это было и в реальной истории. Разведка у Российской империи была поставлена неплохо, а вот контрразведка – так себе. Немецкие шпионы в России в период ПМВ чувствовали себя вольготно.]. Считаю, что им следует показать протоколы допросов террористов и признание англичанина – пусть знают, почему отдан такой приказ. Нам нельзя оставить покушение без последствий – англичане неизбежно попытаются его повторить. В моем мире за век с небольшим в России убили трех монархов. Одного – по прямому указанию англичан и при их активном содействии. Это известно достоверно. Павел I затронул интересы Британии, взяв под свою руку остров Мальта. Царь поступил так на законном основании, так как орден Святого Иоанна, владевший островом, избрал его великим магистром. Государь хотел сделать Мальту российской губернией. Случись так, Россия обрела бы форпост в Средиземном море, изрядно потеснив там англичан. После смерти Павла, его сын оказался от претензий на остров – пример отца был перед глазами. Александра II убили русские террористы. Явного английского следа здесь не просматривается, но Британия постоянно интриговала против России, привечая ее внутренних врагов. Она продолжала эту практику и к моменту моей гибели. В истории России нет и не было более давнего и последовательного врага. Выражение «англичанка гадит» родилось не на пустом месте. Последний император России, убитый большевиками, был плохим правителем и, возможно, заслужил смерть, но вместе с ними расстреляли его жену и детей, а также слуг, в том числе лейб-медика государя, сына великого врача Сергея Петровича Боткина. А ведь этого могло не случиться. После свержения монархии Временное правительство намеревалось выслать царскую семью в Британию, поскольку английский король Георг V приходился Николаю II двоюродным братом. Они и внешне походили как близнецы. Однако Британия под надуманным поводом отказалась принять русского царя с семьей и тем самым обрекла их на смерть.

– Вы не говорили этого прежде! – воскликнула Мария. – Об участии англичан в смерти Николая II.

– Повода не было, государыня. Британия здесь, как и в моем мире, гадит всем, кому может. Ее цель – стравить народы континента, и ловить рыбку в мутной

воде. Война ослабляет конкурентов, воюющие страны нуждаются в поставках оружия и материалов, которые растут в цене. Рай для британских промышленников и банкиров! Нужно преподать им урок – внятный и суровый. Не нужно держать британцев за дураков: они догадаются, кто организовал покушение. Что предпримут? Объявят войну? Для этого нужны улики, а мы их постараемся не оставить. Если сорвется, у нас есть протоколы допросов и признание Джеймса, – я указал на бумаги. – Британец прямо пишет, что исполнял приказ премьер-министра. Предъявим это миру. В Европе нас поймут – англичане достали всех. Не будет войны, государыня! Британия разорвет с нами отношения? Пусть. Они и без того никакие. Де-факто британцы объявили нам блокаду, запретив поставлять в Россию товары военного назначения. Мы получаем их из Франции, так же как станки, автомобили и другое оборудование для промышленности, поэтому не зависим от Британии. Франция заинтересована в наших заказах, ее экономика бурно растет, поэтому не позволит британцам предпринять враждебные действия в отношении России. К тому же французы и англичане не сильно дружат. Так что надо, государыня, надо! Пусть новый премьер-министр и его окружение знают: покушение на российского монарха не остается без последствий. Одно дело, когда отдаешь приказ, ничем не рискуя, и другое, когда получаешь зеркальный ответ.

– Я услышала вас, Валериан Витольдович! – кивнула Мария. – Поступим так. Вы встретитесь с этим Джеймсом, передадите ему деньги и заберете меморандум. Это будет последняя ваша встреча. Дальше этим займутся другие люди. Не хочу, чтоб жених моей дочери был замазан в шпионских делах. Понятно?

– Да, государыня!

– И озаботьтесь парадным мундиром. Через неделю помолвка. Нужно успеть до Петровского поста.

– А как же ваша нога, государыня?

– До Успенского собора как-нибудь дойду, – усмехнулась Мария, – и службу отстою. Помолвка пройдет в узком семейном кругу. Не время устраивать большие торжества. Я бы вовсе подождала окончания войны, но Ольге не терпится, – она вздохнула.

– Благодарю, государыня!

– Это мне нужно благодарить. Вы сделали для России и для меня больше, чем я рассчитывала. Ступайте, Валериан Витольдович, и да поможет вам Господь...

5

Михаил взял ланцет и аккуратно вскрыл им конверт из дорогой веленовой бумаги. Извлек из него сложенные листки бумаги. Отложив ланцет, торопливо разложил их.

«Здравствуйте, Михаил Александрович! Привет Вам из далекой Москвы. Надеюсь, ваше сиятельство и высокородие не забыли о скромной курсистке, с которой познакомились в Кремле при столь не авантажных обстоятельствах и с которой провели вместе несколько приятных часов...»

Михаил покачал головой. Ну, Лизонька, ну, затейница! Написать такое! Предположить, что он мог забыть... Да он ложится и встает с ее именем на устах. Милый образ постоянно перед глазами. Михаил поднял взор и посмотрел на фотографию в паспорту из тисненого картона, прислоненную к книгам на столе. Лиза в шляпке, прихваченной под подбородком газовой лентой, смотрела на него, загадочно улыбаясь. Фотографию она подарила так: сунула при расставании конверт, наказав вскрыть его вагоне. Михаил, сгорая от нетерпения, едва дождался отправления поезда. Из конверта на столик выпала фотография. Михаил взял ее, долго смотрел на милое лицо и только потом догадался перевернуть карточку. На обратной стороне округлым девичьим почерком было выведено: «Милому другу Мише от Лизы на долгую память». Михаил тогда едва не задохнулся от переполнившего его счастья. «Милый друг...» Так обращаются только к близкому человеку. И тут – на тебе! «Ваше сиятельство, высокородие...»

«Что это на нее нашло? – недоуменно подумал Михаил. – Шутит? “Троллит”, как говорит Валериан? Почему? Ей неловко обращаться ко мне по имени и на «ты», как условились?» Он вздохнул и продолжил читать.

«Не обижайся на такое обращение. Я девушка, и мне неловко писать о чувствах. Знай, что я ничего не забыла. Ни наших встреч, ни твоих слов, ни твою руку, в которой ты сжимал мою ладошку. Воспоминания об этом переполняют меня

радостью и помогают пережить горечь разлуки. Как скоро ты вернешься в Москву? Сколько мне ждать? Напиши!»

Михаил вздохнул во второй раз. Что ей ответить? Отправляясь на фронт, он ожидал, что это ненадолго. Обучит коллег методам лечения отравленных газами, передаст командование медсанбатом Загоруйко и отправится в Москву. Не тут-то было! Внезапно его вызвал к себе начальник дивизии, генерал-майор Беркалов.

– Что это вы затеяли, господин статский советник? – спросил хмуро. – Бросить медсанбат накануне наступления? Тыловая жизнь поманила? Не знай я вас прежде, то подумал бы, что празднуете труса.

– Извините, ваше превосходительство! – покраснел Михаил. – Начальник Главного военного госпиталя Российской армии, тайный советник Елаго-Цехин Порфирий Свиридович предложил мне служить под его началом, а главный хирург фронта Бурденко Николай Нилович дал согласие на перевод.

– Почему не поставили в известность меня?

– Собирался – после передачи дел.

– Вы, вроде, не первый год в армии, Михаил Александрович, но субординации не научились, – покачал головой генерал. – О таких делах в первую голову докладывают непосредственному начальнику, то есть мне. Вы же затеяли возню за спиной. При всем уважении к начальнику госпиталя и главному хирургу, я своего согласия на ваш перевод не дам. И плевать мне на их недовольство! У дивизии наступление на носу, а у меня забирают лучшего хирурга и командира медсанбата. Я зря, что ли, хлопотал о вашей награде?

Беркалов перевел взгляд на мундир врача, и в его глазах полыхнуло недоумение.

– Позвольте... Святого Владимира я вручал вам лично, но откуда орден Святого Георгия?

– Пожалован государыней.

Орден Михаилу вручили в Минске, где он задержался на день, устраивая дела. Михаил не ждал награду так скоро: представление должна рассмотреть Георгиевская дума, но, видимо, участие государыни помогло. Телеграмма о награде пришла в штаб фронта, Бурденко подсуетился и добыл для подчиненного коробочку со знаком, который и вручил. Михаил поблагодарил и спрятал награду в карман. Прицепить орден постеснялся. Он до сих пор считал, что осыпан милостями не по заслугам. Ничего особенного он не совершил, просто делал свою работу. Если б не пациентка-государыня... К тому же увидят орден, пойдут расспросы, придется рассказывать – неловко. Все сделал Валериан, Михаил только помогал. Повышение в чине, правда, скрыть не удалось – как можно, если погоны на плечах? но коллеги отнеслись к этому спокойно. Съездил человек в столицу на конференцию, попался начальству на глаза, понравился ему – вот и вырос в чине. Коробочка так и пребывала в кармане, однако, отправляясь к генералу, Михаил орден нацепил – предчувствовал, что разговор будет непростым.

– За что вас наградили? – изумился Беркалов. – Вы же были в тылу!

– Принимал участие в спасении государыни. Вы слышали о взрыве в Кремле?

– Разумеется! – кивнул генерал. – Газеты получаем, хоть и с опозданием. Так вы там отличились?

– Помогал оперировать государыню. Затем дежурил у ее постели.

– Почему вы?

– Лейб-хирург государыни, Валериан Витольдович Довнар-Подляский позвал. Помните его?

Беркалов кивнул.

– Мы с ним не одну операцию провели вместе, поэтому хорошо понимаем друг друга. На конференции вместе были, когда сообщение о взрыве пришло. Немедленно выехали в Кремль, а там... При тех обстоятельствах искать кого-либо другого не было времени.

– Почему по прибытии в дивизию не пришли ко мне и не рассказали?

Михаил пожал плечами. Он не знал, как ответить на этот вопрос.

– Позвольте! – задумался Беркалов. – В газетах я читал, что оперировать государыню Довнар-Подляскому, теперь уже князю Мещерскому, помогал барон Засс.

– Это я.

– Что?!

– Указом ее величества пожалован в баронское достоинство. Вот!

Михаил отстегнул клапан нагрудного кармана, извлек удостоверение личности, выданное ему в Минске, и протянул генералу. Тот взял книжицу, развернул и внимательно прочел текст. Затем взглянул на Михаила, словно сличая фотографию с оригиналом.

– Удивили, барон! – сказал, возвращая удостоверение. – Вы у нас, оказывается, герой, а я об этом ни слуху ни духу. Нехорошо! – Он погрозил Михаилу пальцем. – Вот что, Михаил Александрович! Сейчас я кликну офицеров штаба, велю подать коньяк и закуску, и вы нам обстоятельно расскажете. Сами понимаете, подробности из уст очевидца, более того, участника событий интересны всем. Подчиненные не поймут, если я их не приглашу. Не возражаете?

– Нет! – обреченно кивнул Михаил...

За коньяком с чаем они просидели часа два. Михаил более отвечал на вопросы, чем рассказывал. Офицеры восхищенно крутили головами и смотрели на Михаила одобрительно, некоторые – с завистью.

– Видите, господа, каких орлов мы взрастили? – сказал Беркалов в завершение разговора и подкрутил ус. – Два доктора из шестнадцатой дивизии спасли государыню. Не растерялись в сложных обстоятельствах, действовали решительно. А все потому, что не какие-то там тыловые штафирки, а фронтовые врачи. Служили у нас, пропитались духом части. Он у нас такой, что с другими

поделиться можем. Дивизия боевая, командиры толковые, солдаты храбрые. Отличились в прошлом наступлении, когда одним махом прорвали оборону противника. У меня нет сомнений, что так будет и в предстоящих событиях. Согласны?

Офицеры закивали и загомонили, подтверждая слова генерала. Михаил удивился такой трактовке, но благоразумно промолчал.

– Вот что, Михаил Александрович! – обратился к нему генерал. – Теперь мне ясно, почему Главный военный госпиталь хочет забрать вас к себе. Иметь в кадрах хирурга, который оперировал саму императрицу... Даже генералам будет лестно лечь под ваш нож, что говорить об офицерах и нижних чинах? Но я попрошу вас повременить и остаться с нами до окончания наступления. Загоруйко и другие врачи могут растеряться. Слишком долго они были как за каменной стеной – сначала за Валерианом Витольдовичем, а затем – за вами. Потихоньку вводите их в курс дела и приучайте к самостоятельности. Если будете трудиться, как при прошлом наступлении, наградой не обижу. Вы мое слово знаете.

– Это надолго? – тоскливо спросил Михаил.

– Недели две-три, самое большее – месяц, – успокоил Беркалов. – Москва от вас никуда не убежит. Она, считай, восемь веков стоит и пока никуда не сдвинулась.

Офицеры засмеялись. Михаил вздохнул и согласился – а что оставалось делать? Этим не кончилось. В медсанбате его ждали коллеги, которые как-то прослышали про приключения командира и, в свою очередь, потребовали рассказать. Пришлось подчиниться.

– Что ж, Михаил Александрович! – сказал Загоруйко, когда Михаил смолк. – Приятно трудиться под началом отличного хирурга и душевного человека. А теперь, вдобавок, барона и георгиевского кавалера. Для меня честь служить под началом спасителя государыни! Думаю, что и коллегам – тоже.

Врачи закивали.

– Это вышло случайно, – сказал Михаил.

– Случай приходит к тем, кто готов, – возразил Загоруйко. – Поверьте человеку, который много видел и пережил. Никто из нас не стоял столько за операционным столом, забывая о сне и отдыхе, как вы. Никто с такой смелостью и тщанием не внедрял передовые методы лечения. В короткий срок вы стали замечательным хирургом и руководителем, и я, сколько бы ни старался, не могу припомнить подобного примера, хотя врачебная практика у меня богатая. Валериан Витольдович не случайно позвал вас в помощники. Чин, орден и титул вы получили по заслугам. Кстати, это надо отметить! – Он потер руки.

Коллеги поддержали его одобрительными возгласами.

– Извините, господа! – смутился Михаил. – Денег нет, поиздержался в Москве. Придется ждать жалованья.

– У вас же, вроде, имение есть? – удивился Загоруйко. – Дали б управляющему телеграмму, он бы выслал денег.

– Доверенность на получение доходов от имения я отправил матери, – повинился Михаил. – Им нужнее. У меня младшие сестры в возраст вошли, а женихов нет – бесприданницы. А так, может, найдут свое счастье.

– Знал я, что вы душевный человек, Михаил Александрович, – покачал головой Загоруйко, – но не представлял насколько. Другой бы на вашем месте во все тяжкие бросился: шампанское, рестораны, певички, а вы все матери и сестрам. Похвально. Ну, что, господа? – посмотрел он коллег. – Поможем нашему командиру? Устроим складчину?

– Да! – заулыбались врачи.

– Неловко получается, – попытался возразить Михаил.

– Оставьте! – махнул рукой Загоруйко. – Видите это? – Он ткнул пальцем в орден на своем кителе. – У них такие же, – он указал на врачей. – Не видать бы нам наград, если б не вы. И в чинах мы выросли. Вашими стараниями медсанбат стал лучшим на Белорусском фронте. Это не вы нам, а мы вам должны. Предлагаю по пять рублей, господа! Думаю, хватит.

Врачи закивали и полезли в карманы за бумажниками. Медсанбат стоял в пограничном городке, винные лавки здесь имелись, и отправленный с поручением санитар через полчаса принес господам врачам несколько бутылок и корзину снеди. Хорошо посидели. Выпили, поговорили, даже немножко спели.

Смерть не хочет щадить красоты –

Ни веселых, ни злых, ни крылатых.

Но встают у нее на пути

Люди в белых халатах...

Сколько раненых в битвах крутой,

Сколько их в тесноте медсанбатов

Отнимали у смерти слепой

Люди в белых халатах!...[33 - Стихи Льва Ошанина.]

Хорошую песню сочинил Валериан, душевную, на всем фронте распевают, да и на других, говорят, тоже. Правда, друг стесняется и утверждает, что песня не его, но все-то знают...

Михаил вздохнул и обратился к письму.

«На этой неделе Москва обсуждала два события, – писала Лиза, – помолвку наследницы престола и суд над террористами, организовавшими взрыв Кремлевского дворца. На последнем публику в зал заседаний не пустили, объяснив это государственными секретами, которые прозвучат в ходе процесса, поэтому она собралась у здания суда, ожидая вестей. Людей пришло так много, что толпа запрудила улицу. В середине дня к ней вышел секретарь суда и объявил, что обвиняемые террористы, члены партии эсеров Азеф и Савинков, действовали по наущению Германского генерального штаба, который заплатил им за покушение на русскую императрицу сто тысяч рублей и снабдил взрывчаткой. Оба подсудимых признали свою вину и раскаялись. Однако суд не нашел в их действиях смягчающих обстоятельств и приговорил обоих к смертной казни через повешение. Эту весть толпа встретила криками одобрения. Люди радовались, что подлые убийцы получили по заслугам. “Собакам – собачья смерть!” – кричали они. Я этого не слышала, поскольку

находилась на курсах – рассказала горничная дяди, которая побывала у суда.

Обручение наследницы престола с князем Мещерским проходило в Успенском соборе Кремля. На церемонию позвали и меня – посыльный доставил красивое приглашение в специальном конверте. Я поначалу удивилась, но потом вспомнила, что теперь дворянка и кавалерственная дама. Дядя с тетей приняли эту весть близко к сердцу и приняли деятельное участие в моих сборах. Мне пошили новый наряд, заказали роскошную шляпку из шелка с цветами и лентами, а дядя самолично прикрепил к платью изготовленный в его мастерских орден Святой Софии. К Кремлю меня доставили в экипаже, в котором дядя с тетей остались ждать моего возвращения.

Народу на обручение пришло много – собор был полон. Дамы в роскошных нарядах, мужчины в мундирах... Помощник распорядителя провел меня вперед и определил место неподалеку от царской семьи, что меня изумило. Но потом я вспомнила, что принимала участие в спасении государыни, и та, видимо, решила выказать мне свое расположение подобным образом.

Государыня, несмотря на перенесенную операцию, присутствовала на церемонии. Выглядела она бодро, даже не хромала. Но в центре внимания, конечно, были наследница и ее жених. Поскольку обручение – это не венчание, цесаревна явилась на него в кремовом, а не в белом платье, и в такой же шляпке и башмачках. Не знаю, кто ей присоветовал фасон, но выглядела она нелепо. Женщинам малого роста нельзя носить столь пышную юбку, она превращает их в карлиц. Да и поля шляпки были слишком большие. А вот Валериан Витольдович смотрелся молодцом. Высокий, стройный, в отменно пошитом мундире с орденами на груди, он притягивал к себе женские взгляды. Полагаю, что многие из них пожалели, что такой красавец-генерал достался конопатой пигалице, а не достойной его женщине. По окончании церемонии жених с невестой рука об руку пошли к выходу. Проходя мимо, цесаревна одарила меня торжествующим взглядом. Я только плечами пожала: что она хотела этим сказать?

На обед по случаю обручения меня не позвали, как почти всех, кто присутствовал в храме. Объявили, что тот пройдет в узком семейном кругу. Государыня решила по случаю войны не устраивать больших торжеств, и публика отнеслась к этому с пониманием. Я так и вовсе не огорчилась – повар дяди готовит лучше кремлевских, в чем мы с дядей и тетей уверились по возвращении домой. Родственники выпросили у меня каждую подробность

обручения, хотя я многого не поняла, поскольку плохо разбираюсь в христианском богослужении. Назавтра меня одолели курсистки: прознали о моем участии в церемонии, что не удивительно – пришлось отпрашиваться с занятий. Рассказала. Они ахали и завидовали, впрочем, по-доброму. Ведь и они получили награды от государыни. Курсистки, трудившиеся в Кремле после покушения, пожалованы в дворянки, а наш руководитель Петрищев получил новый чин, став коллежским асессором. Государыня у нас мудрая и щедрая, это дочь у нее не такая...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Офицерам и военным чиновникам запрещалось посещать трактиры, только рестораны, причем не всякие, а высоких категорий. Но в реальной жизни это соблюдалось не строго.

2

Главный герой – человек из нашего мира и не аристократ, поэтому не знает, что именно так обстоят дела у монархов. Во дворце с наследницей престола – можно, за его пределами – нет. За последнее могут и голову оторвать.

3

В реальной истории помолвку (обручение) Святейший синод в 1775 году предписал совершать одновременно с браком, но это АИ.

4

Реальный факт. Мастерская работала в Териоках (ныне Зеленогорск), затем – в Або.

5

Ломовые извозчики возили грузы, а не пассажиров.

6

В реальной истории с началом войны в Российской империи действовал сухой закон, но это АИ.

7

Реальный факт. Савинков испытывал головную боль, находясь в одном помещении с динамитом.

8

См. роман «Лейб-хирург».

9

Согласно официальной версии Савинков покончил с собой в тюрьме.

10

Реальный факт.

11

Прозвище извозчиков, управлявших лучшими экипажами. Те имели шины-дутики, то есть пневматические.

12

Например, Халтурина и Каляева.

13

Типичная ситуация в реальной истории. Некоторые ушлые солдаты, получив новые сапоги взамен пропитых, тут же снова их продавали.

14

Напоминаю, что в этой реальности русские солдаты вооружены винтовками Манлихера с клинковым штыком.

15

Вопреки утверждениям либералов, штрафные подразделения в армии придумали не большевики. В Российской императорской армии они появились в Первую мировую войну, как и заградотряды. По указу Николая II добровольно сдавшиеся в плен русские солдаты и офицеры подлежали суду и бессрочной высылке в Сибирь, а любой военачальник, увидев сдачу в плен своих войск, обязан был открыть по ним огонь: «орудийный, пулеметный и ружейный!» Вот такой хруст французской булки.

16

Обычная практика в реальной истории.

17

Красная армия позаимствовала это у императорской. Различие было в том, что в царской армии офицеры носили золотистые нашивки, а нижние чины – красные. В советской армии цвет нашивки стал обозначать степень ранения: легкое –

красная нашивка, тяжелое – золотистая. И носили на груди, а не на рукаве.

18

Инструмент для плетения лаптей и корзин.

19

Так было и в реальной истории.

20

Как и в реальной истории.

21

Прозвище английских солдат.

22

Подробности в романе «Лейб-хирург».

23

Равен капитану третьего ранга во флоте или майору в сухопутной армии.

24

У знаменитого Джеймса Бонда был чин командера, то есть капитана второго ранга или подполковника. Такой чин носил автор бондианы Ян Флеминг.

25

Средний британский рабочий получал в то время 2 фунта в неделю. Так что 24 – это очень прилично.

26

Королевский военно-морской флот Великобритании.

27

Английская пословица. В оригинале: «King has a lot». По преданию, этой фразой английский капитан провожал тонущий корабль.

28

Желающие могут погуглить «кембриджская пятерка».

29

Так, к примеру, было у Черчилля. Его успеху в карьере активно способствовала мать. Ну и сам будущий премьер-министр был не промах.

30

Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817), французская писательница, теоретик литературы, публицист.

31

Премьер-министр Великобритании в 1916 – 1922 годах. В этой реальности пришел к власти раньше.

32

Это было и в реальной истории. Разведка у Российской империи была поставлена неплохо, а вот контрразведка – так себе. Немецкие шпионы в России в период ПМВ чувствовали себя вольготно.

33

Стихи Льва Ошанина.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/knyaz-mescherskiy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)